

ПОХОДЪ

НА АМУ-ДАРЬЮ И ВЪ ТЕКИНСКІЙ ОАЗИСЪ УРАЛЬСКИХЪ КАЗАКОВЪ ВЪ 1880-81 ГОДАХЪ.

Уральскій № 2-й полкъ стоитъ въ Самаркандѣ. Я прибылъ къ полку въ ноябрѣ 1879 г. Зима въ этотъ годъ въ Туркестанскомъ краѣ была совершенно русская; тяжелая для туземцевъ и пріятная для насъ, какъ напоминающая далекую родину.

Зимой въ Самаркандѣ частенько поговаривали о походѣ. Но куда, — никто положительно не зналъ. Носились глухія слухи о неудачѣ кавказскихъ войскъ въ Текинскомъ оазисѣ; но болѣе говорили о нашихъ осложнившихся обстоятельствахъ по отношенію къ Китаю изъ-за Кульджи.

Впрочемъ, въ Самаркандѣ все обстояло благополучно. Части гарнизона производили обычныя строе-

выя занятія, и только замѣтно было, что начальники частей начали обращать вниманіе на болѣе легкую подвижность своихъ частей: заготовлялись арбы, прикупались лошади, дѣлались походные выюки; 3-й линейный баталіонъ однажды по тревогѣ выступилъ изъ Самаркандъ при полной запряжкѣ обоза со всѣми необходимыми для похода тяжестями. Это породило большую суетню въ городѣ и великій плачь оставшихся неожиданно въ городѣ жень солдатъ 3-го баталіона. Баталіонъ вернулся въ тотъ же день, сдѣлавъ небольшую военную прогулку, и оказалось, что командиръ баталіона просто пожелалъ лично удостовѣриться въ полной готовности своей части къ быстрому выступленію.

Въ Самаркандѣ, кромѣ мѣстнаго баталіона и нашего полка, расположены: 3, 6 и 9 Туркестанскіе линейные баталіоны и 3-я батарея 1-й Туркестанской артиллерійской бригады. Части эти стоятъ въ Самаркандѣ со времени взятія этого города въ 1868 году и, конечно, вполне осѣли. О подвижности то ихъ и заботилось начальство.

Всю зиму и въ особенности весной 1880 г. въ Самаркандѣ усиленно пеклись сухари и заготовлялся сухой фуражъ (*). Видимо было, что скоро походъ. Наконецъ отданъ былъ приказъ по Туркестанскому военному округу о сформированіи дѣйствующихъ отрядовъ на Китайской границѣ. Розовымъ предположеніямъ и веселымъ разговорамъ не было конца.

Всякій желалъ угодить въ походъ, потому что гарнизонная скука давно уже всѣмъ надоѣла.

(*) Сухари и фуражъ были заготовляемы для отрядовъ, подлежащихъ сформированію на границѣ съ Китаемъ.

Вдругъ телеграмма: «9-му линейному баталіону и 1-й сотнѣ нашего полка идти въ Ташкентъ».

У насъ въ это время 1 сотня войск. стар. Сладкова была въ расходѣ: взводы отъ нея стояли въ окрестныхъ городахъ: Дзузакъ, Катты-Курганъ и Пенджакентъ. По этому назначена была слѣдующая за ней—2 сотня—эсаула Еремина.

Проводивъ счастливецевъ (*) въ походъ, полкъ нашъ въ апрѣлѣ выступилъ на траву, гдѣ началось обычное занятіе—практическая стрѣльба.

Въ первыхъ числахъ мая получена новая телеграмма: 4, 5 и 6 сотни нашего полка назначены на Аму-Дарью, для усиленія гарнизона Петро-Александровскаго укрѣпленія. Я былъ назначенъ вести этотъ дивизионъ (**). Такъ какъ переходъ по кызыль-кумскимъ необитаемымъ пескамъ былъ вовсе не то, что походъ по населенной странѣ къ Китаю, то назначеннымъ сотнямъ данъ былъ для сбора семидневный срокъ.

Дивизионъ, снабженный всѣмъ нужнымъ для похода, выступилъ 16 мая. Для перевозки тяжестей, дивизионъ получилъ около 200 верблюдовъ и, по маршруту, долженъ былъ совершить переходъ до Петро-Александровскаго укрѣпленія въ 26 дней.

Начальникъ Заравшанскаго округа, генералъ Ивановъ и командиръ полка, полковникъ Хорошихинъ, со всѣми офицерами провожали насъ до рѣки Заравшана, версть 9 отъ Самарканда. Всѣ были

(*) Надежды счастливецевъ не оправдались: 9-й баталіонъ и наша 2-я сотня стояли все время въ Ташкентѣ, изъ гарнизона котораго къ границѣ Китая ушла стрѣльковая бригада.

(**) Командирами сотенъ были: 4-й—сотникъ Портновъ, 5-й—войсковой старшина Воронинъ, 6-й—сотникъ Мартыновъ, командовавшій сотней за нахожденіемъ въ отпуску эсаула Строва 2-го.

убѣждены, что мы идемъ не въ военный походъ, а предназначены на бездѣйствіе. Говорили, что осенью непременно вернемся къ полку.

Семейные офицеры выступившихъ сотенъ, не особенно радостно разстались съ Самаркандомъ, гдѣ остались ихъ семейства; зато молодые офицеры и нижніе чины ликовали. Трудная и однообразная служба въ Самаркандѣ, плохое зимнее помѣщеніе и та особенность служебной обстановки, вслѣдствіе которой нижніе чины часто не видали своихъ офицеровъ, дѣлали походъ, куда бы то не было, привлекательнымъ. Веселое настроеніе не покидало насъ при самыхъ трудныхъ переходахъ.

Въ укр. Ключевомъ мы получили водоподъемныя средства и, выступивъ изъ него 21 мая, пошли вдоль хребта Нуратау. Первые переходы были очень хороши; всего было въ изобиліи; но вотъ приближались и грозные пески Кызыль-Кумъ.

Нужно замѣтить, что всѣ идущіе изъ Сыръ-Дарьинской области въ Петро-Александровскъ направляются туда или черезъ Казалу, или черезъ Бухарскія населенныя владѣнія, и въ такомъ случаѣ по пустынѣ имъ приводится ѣхать не болѣе 100 верстъ. Наконецъ есть дорога и черезъ пески на урочищѣ Тамды, путь, относительно предстоявшаго намъ, далеко лучше; но на пути черезъ Тамды колодцы хотя и часто встрѣчаются, но они маловодны для такого эшелона какъ былъ нашъ, имѣвшій до 500 лошадей и до 200 верблюдовъ. По этому намъ данъ маршрутъ черезъ урочище Хайъ-Ата и Адамъ-Кырлыганъ на Учъ-Чучакъ на Аму-Дарьѣ, т. е. тотъ путь, по которому шель Турке-

станскій стряжъ генерала Фскъ-Кауфмана въ Хиву въ 1873 году. Грозная пустыня, по которой тогда прошли туркестанцы, хорошо извѣстна читающей публикѣ по многимъ описаніямъ хивинскаго похода.

Со времени этого похода, по этому пути не проходила ни одна воинская часть; послѣ занятія Хивы туркестанскія войска вернулись частію на Казалу, а частію черезъ урочище Тамды. Въ послѣдующее время эшелоны въ Аму-Дарьинскій отдѣлъ были направляемы по этимъ же двумъ путямъ. Наконецъ въ 1879 году 5 линейный баталіонъ, назначенный въ Петро-Александровскъ изъ Катты-Кургана на смѣну 8 баталіона, по особому договору съ Бухарскимъ эмиромъ, былъ направленъ по населенной части Бухарскаго ханства на Чарджуй. Этимъ же путемъ прошолъ обратно 8 баталіонъ изъ Петро-Александровска въ Катты-Курганъ.

Такимъ образомъ намъ пришлось идти первыми черезъ Адамъ-Кырлыганъ, послѣ знаменитаго похода 1873 года. Заботясь объ облегченіи похода для нашихъ сотенъ, главный начальникъ края поручилъ состоящему при немъ чиновнику по дипломатической части написать Бухарскому эмиру письмо, которымъ просилъ Его Высочество оказать содѣйствіе при передвиженіи нашихъ сотенъ черезъ его владѣнія.

25 мая мы имѣли на урочищѣ Темиръ-Кабукъ въ послѣдній разъ хорошую проточную воду и за тѣмъ вошли въ кекчи. Путь по пескамъ продолжался 13 дней. Описывать трудность движенія, — значить повторять все то, что было писано разными корреспондентами въ 1873 году во всѣхъ нашихъ періо-

дическихъ изданіяхъ. Можно добавить еще развѣ то, что Туркестанскій отрядъ въ 1873 году выступилъ изъ Блочеваго укр. въ началѣ марта и дошелъ до Хивы въ концѣ мая, а мы шли по этому пути въ маѣ и іюнѣ мѣсяцахъ, когда начинается въ этихъ пескахъ настоящее пекло. Переходы были по 30—40 верстѣ, два перехода по 50 верстѣ и одинъ 85 верстѣ. Вода на нѣкоторыхъ ночлегахъ была до того отвратительна, что не утоляла жажды. Про жару и говорить нечего. У большинства кожа на лицѣ лупилась по нѣскольку разъ.

2 На 2-й станціи въ пескахъ насъ встрѣтили бухарскіе сановники. Я былъ предупрежденъ о торжественной встрѣчѣ, приготовляемой съ ихъ стороны дивизиону. Вслѣдствіе этого дивизионъ былъ одѣтъ парадно: въ новыхъ красныхъ чамбарахъ, бѣлыхъ новыхъ гимнастическихъ рубашкахъ; офицеры—въ походной формѣ, при орденахъ. Верстѣ за 5 до колодца, гдѣ мы должны были остановиться на ночлегъ, насъ встрѣтила блестящая кавалькада бухарскихъ чиновниковъ: дахта (генераль, командующій пограничными войсками), удайчи (личный адъютантъ эмира), два пограничныхъ бека (губернаторы), всѣ въ разшитыхъ золотомъ халатахъ, въ бѣлоснѣжныхъ кисейныхъ чалмахъ, на прекрасныхъ коняхъ съ серебряной, вызолоченной сбруей, подъ роскошными бархатными съ золотымъ шитьемъ попонами. Въ свитѣ ихъ состояло нѣсколько меньшихъ по рангу чиновниковъ: мирахуры (капитаны), караулъ-биги (поручики), эсаулы (въ родѣ полицейскихъ чиновниковъ, имѣвшіе палки), джигиты и разная челядь; всѣхъ человекъ де

70. Дивизионъ выстроилъ развернутый фронтъ. На срединѣ передъ фронтомъ произошло наше свиданіе, гдѣ въ самыхъ цвѣтущихъ выраженіяхъ удайчи передали мнѣ приблизительно слѣдующее: Бухарскій эмиръ, высоко цѣня дружбу свою съ генераль-губернаторомъ (Джарымъ Акъ-падна) (*), выслалъ ихъ проводить русскій отрядъ и оказать всякое содѣйствіе, что они высоко уважаютъ русскихъ и что они, приближенные эмира, счастливы, что выпалъ на нихъ пріятный жребій—быть при русскомъ отрядѣ и проч. и проч. Рѣчь была довольно большая, но все вертелась на одномъ и томъ же. Я поблагодарилъ за ихъ любезность; а дивизионъ отдалъ воинскую честь и прокричалъ «ура» въ честь Бухарскаго эмира и его представителей. Во время моей отвѣтной рѣчи и салюта дивизиономъ, всѣ сановники и ихъ эскортъ приложили правыя руки къ своимъ чалмамъ.

По просьбѣ бухарцевъ, я произвелъ на ходу нѣсколько эволюцій и затѣмъ, по приходѣ на мѣсто бивуака, обычнымъ порядкомъ пропустилъ дивизионъ церемониальнымъ маршемъ (**). У колодца для насъ бухарцами была приготовлена роскошная ставка и весьма обильное угощеніе. Не говоря уже о пивавѣ, мясѣ, всевозможныхъ лепешкахъ, свѣжихъ плодахъ, тутъ были цѣлыя груды сахару, леденцовъ, изюму, фисташекъ и пр. Все это, согласно восточнаго этикета, должно было быть разобрано

(*) Въ переводѣ: половина Бѣлаго Царя.

(**) Хорошее средство въ степи подтягивать людей. Люди какъ то оживляются послѣ навѣянной на нихъ природой апатіи. Впоследствии, въ походѣ въ Ахаль-Текке, полковникъ Куропаткинъ—начальникъ отряда—также всегда выходилъ съ ночлеговъ и приходилъ на нихъ съ церемониаломъ.

безъ остатка. Палатки и кибитки были для всѣхъ офицеровъ, и кромѣ того, изъ нѣсколькихъ палатокъ была составлена одна большая ставка, гдѣ собственно и было предложено угощеніе. Это была наша столовая во все время похода по пескамъ, такъ какъ всѣ эти палатки и кибитки снимались съ разсвѣтомъ и перевозились на слѣдующую станцію довольно скоро. Угощеніе было, за небольшими исключеніями, на каждой станціи такое же, какъ я описалъ на первой, во все семидневное слѣдованіе бухарцевъ съ дивизиономъ до урочища Хальата. Какъ я не отказывался отъ всѣхъ этихъ угощеній, какъ ни увѣрялъ ихъ, что у насъ все есть отъ казны, бухарцы твердили одно, что это ихъ законъ и что эмиръ взыщетъ съ нихъ, если они не исполнятъ того, что онъ велѣлъ. На встрѣчу дивизиону на большихъ переходахъ высылались вода въ турсукахъ. На станціяхъ съ горькой или соленой водой для офицеровъ и больныхъ бухарцы доставали на чай воду изъ своихъ кишлаковъ (деревень), отстоявшихъ отъ нашего пути верстахъ въ 70 или во 100 въ сторонѣ; однажды привезли даже льду, который былъ нуженъ для больныхъ.

Вообще бухарцы въ походѣ помогали намъ весьма усердно; не будь ихъ, было бы еще тяжелѣе. За то безъ нихъ было бы легче собственно для меня лично, потому что я избавился бы отъ тѣхъ китайскихъ церемоній, которыя они предѣлывали ежедневно утромъ и вечеромъ. Эти любезные вопросы о здоровьѣ, этотъ неизбѣжный достарханъ или угощеніе, приправляемое цвѣтами восточнаго краснорѣчія, на которое тоже нужно отвѣчать, сообразу-

ясь съ восточнымъ этикетомъ,—очень наскучили мнѣ. Я радъ былъ, когда они, дойдя съ нами до Халь-ата, окончательно разстались, пожелавъ намъ «дороги, какъ по персидскому ковру, прекрасныхъ сновидѣній во время столь пріятнаго отъ трудовъ отдыха и питья по милости Аллаха, Аму-Дарьинскую воду».

На Адамъ-Кырлыганѣ мы были уже безъ бухарцевъ. Во время стоянки на этомъ безотрадномъ и страшномъ (*), по своему названію, урочищѣ засталъ насъ песчаный ураганъ. Это было чисто адъ; песокъ переносился цѣлыми холмами съ мѣста на мѣсто, собаки выли, предчувствуя свою гибель (**), лошади инстинктивно жались другъ къ другу и срывались съ коновязей; люди задыхались отъ песку. Ураганъ былъ такъ силенъ, что нельзя было стоять на ногахъ. Цѣпь была снята, ружья разобраны изъ козелъ и люди легли вокругъ своихъ лошадей. Благодаря энергіи и распорядительности командировъ сотенъ не было ни одного несчастнаго случая и даже сохранились котлы съ горячей пищей. Ураганъ, благодаря Бога, продолжался не болѣе часа.

Съ Адамъ-Кырлыгана я выступилъ на другой день—5 іюня, часа въ 3 пополудни, наливши воды во всю сохранившуюся деревянную посуду. Что касается казенныхъ турсуковъ, то они у насъ за по-

(*) Адамъ-Кырлыганъ въ переводѣ—человѣческая погибель. Если уже привыкшіе ко всему кочевники дали этому мѣсту такое преместное названіе, значитъ—оно хорошо. Такого сыпучаго и глубокаго песку, какъ тутъ, я не видывалъ еще нигдѣ.

(**) Изъ 40 собакъ, послѣдовавшихъ съ нами изъ Самарканда, въ Петро-Александровскъ дошла только одна.

ходъ почти всё перелопатились. Мы шли безостановочно до полуночи; когда я сдѣлалъ полутора-часовой привалъ, чтобы немного подкрѣпить чаемъ людей. Ночь была темная и душная, жара почти такая же, какъ и днемъ. Къ этому присоединился еще и недостатокъ воды. Хотя командиръ пограничныхъ бухарскихъ войскъ—датха, при разставаніи со мной на Халь-ата, и увѣрялъ, что командиръ Учъ-чучака дано предписаніе выслать намъ на встрѣчу воду, но это приказаніе, какъ впоследствии оказалось, не было исполнено. Къ довершенію всего, бывшіе со мной два проводника отказались вести ночью, ссылаясь на бывший ураганъ и на то, что они будто бы сбились въ направленіи. Направивъ ихъ на истинный путь хорошими ударами нагаекъ и пригрозивъ застрѣлить, я рѣшился идти дальше, вполне увѣренный, что проводники просто желаютъ насладиться кейфомъ послѣ угощенія ихъ ужиномъ на привалѣ. При дальнѣйшемъ движеніи они были разъобщены; приняты были мѣры, чтобы они повѣряли другъ друга и не могли убѣжать. Чтобы нижніе чины не дремали и верблюжій транспортъ не потерялъ направленія, приказано было трубить сигналы, а людямъ пѣть слова сигналовъ. Передъ утромъ немного посвѣжело; но какъ только взошло солнце, начался опять жаръ, который постепенно увеличивался. Часовъ въ 8 утра одинъ изъ проводниковъ указалъ на чуть синѣвшіяся вдали три горки (Учъ-чучакъ), по которымъ и называется находящаяся тутъ бухарская крѣпость Учъ-чучакъ на рѣкѣ Аму. Около 11 часовъ мы подошли къ Аму-Дарѣ. Красавица рѣка текла вели-

чественно среди необозримыхъ равнинъ. Ширина ея была до 2 версты; въ это время былъ разливъ и при насъ вода все прибывала. На противоположномъ берегу виднѣлся маленькій лѣсокъ. Не могу выразить какое пріятное впечатлѣніе произвела на насъ эта мѣстность послѣ однообразныхъ, желтыхъ песковъ и нескончаемыхъ бархановъ. Появились птицы, которыхъ мы давно не видали. Бѣдныя наши лошадки, послѣ микроскопическихъ порцій воды, пили въволю прекрасную, вкусную воду и не шли изъ воды, когда ихъ купали.

Еще при приближеніи напьемъ къ Учъ-чучаку (бухарской крѣпости) выѣхалъ къ намъ на встрѣчу комендантъ крѣпости въ сопровожденіи нѣсколькихъ человекъ своего гарнизона, бѣжавшихъ за нимъ пѣшкомъ въ припрыжку. Это были все старики — ветераны бухарской арміи. На Учъ-чучакѣ гарнизонъ состоитъ изъ сотни бухарской конницы. Комендантъ, старикъ лѣтъ 70, приглашенъ былъ мною на чай. Старикъ оказался весьма словоохотливымъ, рассказывалъ про бывшіе походы съ прежними эмирами и весьма сожалѣлъ, что теперь все уже не то, что было прежде. Разматривая нашу берданку и патронъ къ ней, старикъ посмотрѣлъ на нихъ съ искреннимъ сожалѣніемъ и отчасти съ презрѣніемъ. Все, говорилъ онъ, теперь измѣлчалю. Вотъ прежде у насъ были пушки, которыя возились не менѣе какъ 6-ю верблюдами, а теперь и пушки то у эмира маленькія, да и у русскихъ не больше. Никакія наши увѣренія въ достоинствѣ новѣйшаго оружія не помогали. Комендантъ не соглашался съ нашими доводами, отрицательно покачивалъ головой и щелкалъ языкомъ. Вѣроятно лукавый старикъ завидо-

валь намъ, но думу свою, какъ истый патріотъ, прямо не высказывалъ.

При этомъ хитрый комендантъ увѣрялъ меня, что онъ высылалъ воду на встрѣчу, но волны его не нашли меня въ пескахъ и вернулись обратно сегодня утромъ. Но я узналъ впоследствии, что ветераны—солдаты не слишкомъ то слушаются своего начальнива и не любятъ ѣздить далеко въ пески.

На другой день—7 іюня мы пошли внизъ по Дарьѣ. Хотя переходы были и большіе и тоже больше по пескамъ, но присутствіе рѣки дѣлало путь несравненно легче.

2 Навонецъ 10 іюня мы вступили въ Петро-Александровское укрѣпленіе. Здѣсь мы встрѣтили массу нашихъ ссыльныхъ казаковъ, у которыхъ въ рядахъ дивизіона было не мало родственниковъ. На площади укрѣпленія, когда дивизіонъ выравнивался, ожидая начальника отдѣла, тѣ старухи опрометью бросились на фронтъ 8-й сотни и чуть не стащили съ сѣдла одного молодого казака. Это были мать и тетка этого казака, котораго бѣдныя женщины не смѣдали когда-либо встрѣтить.

И много тутъ было веселыхъ и грустныхъ сценъ...

Здѣсь же мы узнали о кончинѣ Государыни Императрицы, т. е. спустя 18 дней со времени этого печальнаго событія.

Петро-Александровскіе жители ждали насъ съ нетерпѣніемъ. Изъ гарнизона укрѣпленія 1 іюня выдѣлена и отправлена была половина войскъ, для прикрытія ученой экспедиціи по изслѣдованію стараго русла Аму, а между тѣмъ носились смутные толки о текинскихъ набѣгахъ на близъ кочующихъ нашихъ туркменъ. Нѣкоторые обыватели и въ осо-

бенности обывательницы укрѣпленія серьезно ожидали нападенія текинцевъ на самое укрѣпленіе.

Распросамъ о дорогѣ не было конца.

Командиръ 5 баталіона спросилъ меня, сколько зарыто нами въ пескахъ и очень удивился, что у насъ не было ни одного смертнаго случая. За весь походъ дивизионъ потерялъ 10 лошадей, и по приходѣ сдалъ въ Петро-Александровскій госпиталь 2 человекъ больныхъ. Хотя и было нѣсколько человекъ слабыхъ, но всѣ они остались во фронтѣ. Да, наши казаки не замѣнимый народъ для степныхъ походовъ. И впоследствии, во время похода въ Ахаль-Теке, выносливость нашихъ казаковъ и береженіе ими своихъ лошадей изумляли не мало разныхъ лицъ, еще мало знакомыхъ съ уральцами.

Начальникъ Аму-Дарьинскаго отдѣла, полковникъ Гротенгельмъ, послѣ осмотра дивизиона совместно съ старшимъ врачомъ отдѣла объявилъ, что казаки и лошади какъ будто и не проходили этого тяжелого пути. Затѣмъ онъ сказалъ искреннее спасибо молодцамъ—казакамъ за сохраненіе лошадей и обѣщаль донести объ ихъ усердіи къ службѣ командующему войсками.

Впоследствии дивизионъ получилъ благодарность въ приказѣ по войскамъ области.

Въ Петро-Александровскѣ расположены 5-й и 13-й Туркестанскіе линейн. баталіоны, 4-я батарея 1-й Туркестанской артил. бригады и Оренбургскій казачій № 1 полкъ (въ четыре сотни). Изъ этихъ войскъ поочередно по одной ротѣ и сотнѣ командуются въ гарнизонъ укрѣпленія Нукусъ, верстъ 200 отъ Петро-Александровска, внизъ по Аму-Дарьѣ

и, какъ я упоминалъ, половина Петро-Александровскаго гарнизона (4 роты, 2 сотни и 4 орудія) выступила для прикрытія ученой экспедиціи по изслѣдованію стараго русла Аму-Дарьи. По этому въ укрѣпленіи гарнизонъ былъ весьма слабаго состава, такъ что нарядъ пѣхоты въ карауль, а казаковъ въ разъѣзды и конвоированія, дѣлался очень обременительнымъ для нижнихъ чиновъ.

Наше прибытіе было весьма пріятно какъ для войскъ гарнизона, такъ и для всѣхъ жителей, встрѣтившихъ въ своемъ захолустѣ новыхъ лицъ.

Въ общественной жизни петро-александровцевъ царствуетъ святая простота. Всѣ живутъ дружно, весело, безъ всякихъ стѣсненій, составляя какъ-бы одну родную семью. Оренбургскій полкъ, стоящій круглый годъ въ лагерѣ (*) въ 7 верстахъ отъ укрѣпленія, составляетъ какъ бы отдѣльный маленькій городокъ. Нашъ дивизионъ расположился тоже въ этомъ лагерѣ. Офицеры быстро познакомились съ семейными домами какъ въ лагерѣ, такъ и въ укрѣпленіи и черезъ недѣлю считали себя какъ бы дома, благодаря неподдѣльному радушію и истинно-русскому хлѣбосольству хозяевъ. Мы вполне вошли въ тѣсный, дружескій-семейный, кружокъ гарнизона.

Каждодневно по вечерамъ насъ приглашали къ кому-либо въ укрѣпленіе, а иногда и сами мы дѣлали въ лагерѣ вечеринки, на которыя пріѣзжали и дамы. По воскресеньямъ на площадѣ крѣпости играла музыка; а по четвергамъ бывали танцеваль-

(*) Бараки Оренбургскаго лагеря приспособлены въ зимнему помѣщенію. У офицеровъ свои дома.

ные вечера у начальника отдѣла, домъ котораго открытъ былъ для всякаго желающаго.

Нижнимъ чинамъ служба въ Петро-Александровскѣ понравилась съ перваго раза. Свиданіе нѣкоторыхъ изъ нихъ съ своими близкими родственниками изъ ссыльныхъ, разнообразіе служебныхъ обязанностей и сознаніе, что они на самой границѣ съ Хивой, дѣйствовали вообще очень благотворно на моральное состояніе дивизіона. Случаевъ нарушенія порядка службы было весьма немного, нравственность была образцовая.

8 іюля я сдѣлалъ съ дивизіономъ военную прогулку къ поселку ссыльныхъ нашихъ казаковъ (*), верстъ 12 отъ нашего лагеря. День былъ праздничный, и все населеніе встрѣтило насъ очень радушно: когда дивизіонъ на площади поселка слѣшилъ, и людямъ дано вольно, то поселяне разобрали къ себѣ по домамъ всѣхъ казаковъ угостить, чѣмъ Богъ послалъ; остались одни часовые и дневальные при сбатованныхъ лошадяхъ. Мы—офицеры зашли напиться чаю въ поселковую казенную квартиру. Здѣсь я увидалъ посемейные списки, метрическія книги и прочее, точно въ любій станичной канцеляріи. Начальникъ поселка, урядникъ Оренбургскаго полка, объяснилъ мнѣ, что онъ теперь не знаетъ фамилій только 8-ми домохозяевъ, такъ какъ всѣ прочіе уже не скрываютъ своихъ фамилій; но что свѣдѣнія о бракахъ, родинахъ и пр. онъ добывается уже черезъ распросы нѣкоторыхъ близкихъ къ нему людей, ибо сами поселяне не объявляютъ ничего, что случается въ ихъ семействахъ. «Вотъ В. В.,

(*) Официально поселокъ именуется «Первоначальный», но его всѣ называютъ «Уральскій поселокъ».

сказалъ мнѣ урядникъ, на счетъ покойничковъ все вѣрно записано; потому они (поселяне) народъ богобоязненный и, Боже упаси, не поставитъ крестъ на могилѣ; коли кто умереть; а я по крестамъ то и знаю, сколько умерло; ну, а вотъ о ребятишкахъ то, може, и не вѣрно будетъ. Да что дѣлать, — мало кто говорить что. Народъ упрямый» (*).

Съ нѣкоторыми офицерами дивизиона я заходилъ въ дома обывателей поселка и смотрѣлъ ихъ обиходъ. Дома выстроены изъ воздушнаго кирпича и, какъ казенные, всѣ однообразны. Каждый домъ выстроенъ на 4 семьи. Отдѣленія для каждаго семейства съ русскими печами и довольно просторны. У нѣкоторыхъ семей замѣтно было въ домахъ полное довольство; но скота домашняго нѣтъ ни у кого. Одежда вообще у всѣхъ чистая и опрятная; а многія женщины, вѣроятно по случаю праздника, были одѣты въ хорошіе сарафаны съ галунами.

Нѣкоторые изъ ссыльныхъ просились жить въ нашемъ лагерѣ, что и было дозволено начальникомъ отдѣла.

Такъ какъ въ этомъ году пѣхота въ лагерь не выступала, то у насъ было много пустыхъ баракъ, въ которыхъ и поселились нѣкоторыя семьи ссыльныхъ, имѣвшія, большею частію, въ дивизионѣ родственниковъ. Здѣсь женщины шили и мыли бѣлье на дивизионъ, а мужчины ловили рыбу и занимались торговлей арбузами и другими овощами, покупая ихъ оптомъ у сартовъ и продавая съ ба-

(*) Впослѣдствіи, при одномъ случившемся скандалѣ, было выяснено слѣдствіемъ, что начальникъ поселка и состоявшая при немъ команда не особенно скромно держали себя съ женщинами.

рышомъ въ розницу. Въ это время поселенцамъ, кромѣ дѣтей до семилѣтняго возраста, казеннаго провіанта уже не отпускали. По этому многія семьи, а въ особенности вдовы, бѣдствовали. По возможности мы помогали, и часто экономическій въ сотняхъ провіантъ весь раздавался бѣднымъ вдовамъ и старикамъ.

Не знаю, почему въ мѣстномъ казначействѣ не мѣняли денегъ поселенцамъ на серебро; между тѣмъ туземцы здѣсь, въ особенности съ лѣваго берега Аму, кредитки наши почти не принимаютъ. За серебряной монетой къ намъ приходило бывало изъ поселка по нѣскольку человѣкъ ежедневно.

Многіе изъ офицеровъ гарнизона рассказывали, что съ приходомъ нашего дивизіона поселенцы замѣтно пріободрились: начали заниматься рыболовствомъ, кое-какой торговлей; а многіе пошли въ прислугу въ укрѣпленіе. До нашего же прихода въ прислугу почти никто не поступалъ. Не обращаясь никогда до этого времени къ врачамъ, наши уходцы (какъ они себя называютъ), стали очень часто прибѣгать къ помощи врача Лосева, командированнаго съ нами изъ Самарканда. Добродушный Владиміръ Григорьевичъ Лосевъ очень имъ полюбился, и они почему-то долго не хотѣли вѣрить, что онъ не изъ Уральска.

Часто разговаривая съ нашими ссыльными казаками или уходцами, мы узнали отъ нихъ нѣкоторыя возрѣнія на свои обстоятельства, которыя постараюсь высказать.

Вотъ что я слышалъ отъ нихъ:

«Начальство заставляет насъ хлѣбъ сѣять. А гдѣ же земля, которую можно бы было пахать (*). Да потомъ еще многіе изъ насъ не сручны къ этой работѣ (**).

Рыбу ловимъ только на приварокъ; а если много ловить,—сбывать не куда (***)). Да при томъ ловить крючками и вообще въ большомъ количествѣ, какъ въ войскѣ у насъ, здѣсь нельзя,—рыбу всю изведешь. Аму-Дарья и Аральское море вовсе не такъ богаты рыбой, какъ наши—Каспійское море и Уралъ, который кормить все войско».

Ропоту со стороны уходцевъ я не слыхалъ; но, описывая свое положеніе, они всегда выражались, что имѣютъ упованіе на милость Божію и Царскую. Искренно радовались прошедшему слуху, что нашъ наказный атаманъ хочетъ посмотрѣть нашъ полкъ. «Вотъ онъ увидитъ, говорили они, наше житье-бытье до подлинности».

Дивизионъ нашъ пришелся по сердцу Аму-Дарьин-

(*) Всѣ болѣе или менѣе обработанныя поля въ Аму-Дарьинскомъ оазисѣ, конечно, собственность туземцевъ. Не обработанная же мѣстность—пустыня. Поселокъ ссыльныхъ уральцевъ расположенъ на солонцевато-песчаномъ грунтѣ,—почва, изъ которой состоятъ весь Аму-Дарьинскій отдѣлъ. Кругомъ поселя сыпучіе пески. Здѣсь, на Аму-Дарьѣ, чтобы обработать почву нужно счищать верхній слой, иногда до 2 арш. Говорятъ даже, что туземцы, какъ-то, моютъ землю. Затѣмъ нужно удобрить, потомъ оросить канавами, сдѣлать водоподъемныя машины (чихри). При этомъ новопоселенецъ не сдѣлаетъ, безъ помощи невеллировки, какъ слѣдуетъ, и ороситъ мѣстность. Туземцы своимъ трудолюбіемъ удивляютъ насъ—русскихъ: но и они говорятъ, что свѣжій участокъ обработать *очень трудно*: нужно, говорятъ, не менѣе 2 или 3 лѣтъ той египетской работы, какая имъ присуща.

(**) Большинство сосланныхъ—наши низовые казаки, которые и не занимались никогда хлѣбопашествомъ.

(***) Хорошій здѣшній осетръ стоитъ менѣе рубля; башочекъ икры, фунтовъ 5, стоитъ столько же. Болѣе же сбывать негдѣ. При томъ здѣшняя соль горьковатая и не солкая. Черезъ 3—4 дня, при жарахъ, все портится, какъ бы ни было крѣпко засолено.

скому начальству. Всѣ болѣе важныя командировки людей дѣлались отъ дивизиона. Безъ всякаго хвастовства могу сказать, что многіе офицеры и чиновники, будучи командированы въ Сары-Камышскій отрядъ (*) или по отдѣлу, испрашивали, какъ милости, у полковника Гротенгельма,—дать имъ конвой изъ уральцевъ. Ловкіе на водѣ, они прекрасно управляли каюками при плаваніи по Аму разнымъ командированныхъ лицъ. Начальникъ ученой экспедиціи—генералъ Глуховскій настоятельно просилъ начальника отдѣла замѣнить у него въ отрядѣ одну изъ Оренбургскихъ сотенъ—Уральскою, вслѣдствіе чего наша 6-я сотня и была командирована въ сентябрѣ мѣсяцѣ въ этотъ отрядъ. 4-я же сотня нѣсколько ранѣе выступила въ Нукусъ, чтобы замѣнить собой тамошній гарнизонъ.

1 октября мы торжественно отпраздновали у себя въ лагерѣ нашъ полковой праздникъ. Гости было много.

Скоро наступили дожди и холода. Пребываніе въ лагерѣ оставшейся на лицо 5-й сотни становилось ощутительно; лагерные бараки были не приспособлены къ зимнему помѣщенію и не имѣли ни наръ, ни коекъ. Люди спали на полу, на которомъ была всегда такая сырость, что наши подстилочныя кошмы пришли въ негодное состояніе. Люди спали, подстилая солому и мѣстныя циновки, предпочитая иногда спать внѣ бараконъ, гдѣ сырости было меньше. Теплой одежды у насъ не имѣлось; а ночи становились очень холодными. Несмотря на всѣ эти

(*) Прикрывавшій ученую экспедицію по изслѣдованію Аму-Дарьи.

неблагоприятныя обстоятельства, больныхъ въ 5-й сотнѣ почти не было.

Такъ какъ въ Петро-Александровскѣ не было свободнаго зимняго помѣщенія, то начальникъ отдѣла предполагалъ 5-ю сотню отпустить къ полку и предложили мнѣ всѣхъ семейныхъ офицеровъ перевести изъ другихъ сотенъ въ эту сотню. Но затѣмъ предположеніе это измѣнилось, потому что изъ Сары-Камышскаго отряда начали доходить тревожные слухи.

Въ октябрѣ партія текинцевъ напала врасплохъ на бухарскую крѣпость Учъ-чучакъ, гарнизонъ которой весь разбѣжался. Командированная на помощь бухарцамъ Оренбургская сотня прибыла уже поздно. Текинцы, разграбивъ, что успѣли, ушли благополучно за Дарью.

Въ это же время небольшая партія текинцевъ напала на постъ нашей 6-й сотни въ Сары-Камышскомъ отрядѣ. Находившіеся на посту казаки отбились мужественно, потерявъ двоихъ ранеными. Впослѣдствіи командующій войсками округа пожаловалъ за это тремъ казакамъ знаки военнаго ордена.

22 октября начальникомъ отдѣла отъ командующаго войсками округа получена эстафета, которой предписывалось сформировать изъ войскъ Аму-Дарьинскаго отдѣла отрядъ въ 3 роты пѣхоты, двѣ сотни казаковъ (одна Оренбургская, другая Уральская) при 3-хъ ракетныхъ станкахъ и 2 орудіяхъ. Начальникомъ этого отряда, долженствовавшаго двинуться въ Ахаль-Текинскій оазисъ, назначался командиръ Туркестанской стрѣлковой бригады—полковникъ Куропаткинъ, который долженъ былъ при-

быть изъ Кульджды. Отряду присвоивалось названіе Туркестанскаго дѣйствующаго; предписывалось снабдить отрядъ всѣмъ нужнымъ для похода, построить теплую одежду и по возможности все это сдѣлать скорѣе. Въ случаѣ неприбытія полковника Куропаткина къ времени сформированія отряда, отрядъ этотъ велѣно было подъ моимъ начальствомъ выдвинуть къ хивинскому городу Ильялы, гдѣ и ожидать прибытія полковника Куропаткина.

На основаніи этого послѣдняго пункта эстафеты, я былъ назначенъ командовать своднымъ Оренбургско-Уральскимъ казач. дивизиономъ Туркестанскаго дѣйствующаго отряда.

По полученіи этой эстафеты въ Петро-Александровскѣ началась лихорадочная дѣятельность. Закупались теплые хивинскіе халаты (*), подстилочная кошма, теплые сапоги, шились для пѣхоты мѣховыя шапки, на подобіе папахъ, собирались верблюды и проч. У насъ въ Уральскихъ сотняхъ у $\frac{1}{3}$ людей (наряда 1877 года) шинели были сильно поношены и вовсе не было папахъ. По этому для того, чтобы въ 5 сотнѣ, поступавшей въ дѣйствующій отрядъ все было въ исправности, пришлось новыя шинели и недостававшее число папахъ взять въ 4 сотнѣ, стоявшей въ Нукусѣ. Изъ этой же сотни было потребовано мною человекъ 10 казаковъ, недостававшихъ до штата въ 5 сотнѣ. Но число желавшихъ изъ 4 сотни попасть въ походъ было такъ велико и всѣ они просились такъ убѣ-

(*). За неимѣніемъ полушубковъ, разрѣшено было поддѣть подъ шинели хивинскіе халаты, какъ солдатамъ, такъ и казакамъ.

дительно, что командиръ сотни вынужденъ былъ дать жребій (*).

9 ноября прибылъ полковникъ Куропяткинъ, а 12 ноября отрядъ выступилъ изъ Петро-Александровска въ слѣдующемъ составѣ: 3 рота 5-го и 1-я рота 13 Туркестанскаго линейныхъ баталіоновъ (**), 1-я сотня 1-го Оренбургскаго и 5-я сотня 2-го Уральскаго казачьихъ полковъ, ракетный взводъ изъ казаковъ 1-го Оренбургскаго полка и два горныхъ орудія 4-й батареи 1-й Туркестанск. артил. бригады. При отрядѣ состоялъ хоръ музыки 13 баталіона.

Первые два перехода 12 и 13 ноября дѣйствующій отрядъ сдѣлалъ внизъ по Дарьѣ правымъ берегомъ, т. е. по нашей территоріи. Но 13-же ноября казаки начали переправу на лѣвый берегъ Аму-Дарьи, близъ хивинскаго города Гурленя. Здѣсь хивинцами припасено было до 30 каюковъ, на которыхъ и производилась переправа. Къ утру 14 ноября былъ переправленъ съ своими тяжестями только казачій дивизионъ. Морозъ былъ до 15 градусовъ и дулъ сильный холодный вѣтеръ. На рѣкѣ были ледяныя закраины. Много труда было положено при переправѣ верблюдовъ, которыхъ при одномъ только дивизионѣ состояло до 200. Упрямыя эти животныя страшно ревели и не шли въ каюки: приходилось втаскивать каждаго верблюда буквально на рукахъ и плечахъ людей.

Весь день 14 ноября переправляла свои тяжести

(*) Безъ жеребья изъ 4 сотни назначенъ былъ одинъ урядникъ Жериховъ, герой послѣдней Турецкой войны.

(**) Стрѣлковая рота 13 баталіона должна была присоединиться къ нашему отряду изъ Сары-Камышскаго.

пѣхота, а къ вечеру съ музыкой и пѣснями переправились роты и артиллерія.

15—отрядъ двинулся уже по хивинской территоріи, пройдя черезъ г. Гурлень.

На другой день съ особенной помпой прошли хивинскій городъ Ташаусъ (*). Близъ развалинъ старой хивинской крѣпости Измукширъ, 17 ноября, мы имѣли въ послѣдній разъ проточную воду и затѣмъ вступили въ Туркменскую степь или, вѣрнѣе сказать, пустыню.

Дошедши до стоянки Сары-Камышскаго отряда—генерала Глуховскаго, у колодца Чагыла, мы остановились на два дня—19 и 20 ноября. Сюда намъ были доставлены нѣкоторыя теплыя вещи, оставшіяся не изготовленными при выступленіи отряда изъ Петро-Александровска; здѣсь же было добавлено число верблюдовъ въ отрядъ и получены водоподъемныя средства. Верблюды, турсуки и бочата, какъ жизненная сила отряда при движеніи по пустынѣ, были раздѣлены по частямъ войскъ. Во избѣжаніе споровъ и недоразумѣній все это было заклеено каждой частью своими знаками. Цѣлый послѣдній день отрядъ запасался водой.

Посуда и турсуки были рассчитаны такъ, чтобы при каждой части было воды по ведру на человека и по 5 ведеръ на лошадь. Кромѣ того былъ еще

(*) Хивинцы нашли дорогу минуя городъ. Полк. Куропаткинъ счелъ нужнымъ, не роняя значенія русской силы, пройти съ войсками черезъ самый городъ, а обозъ отправилъ дорогой, предложенной хивинцами. Вступая въ городъ полковникъ Куропаткинъ потребовалъ отъ хивинскаго градоначальника, чтобы, при прохоженіи города, нашимъ войскамъ былъ оказанъ салямъ, т. е. наружное почтеніе. Отрядъ съ музыкой и пѣснями прошолъ черезъ городъ по главнымъ улицамъ; хивинцы вставали, гладили бороды и снимали съ головъ свои малахай.

особый неприкосновенный запасъ воды подь вѣдѣніемъ особо назначеннаго для того офицера.

Съ Чагыла до кол. Орта-Кую отрядъ шолъ двумя эшелонами, въ однодневномъ другъ отъ друга переходѣ. Въ первомъ эшелонѣ шолъ казачій дивизионъ съ ракетами, во второмъ—пѣхота съ орудіями. Начальникъ отряда слѣдовалъ съ головнымъ — 1 эшелонемъ. Съ колодцевъ же Орта-Кую и до Бами отрядъ шолъ сосредоточенно.

Участвуя въ хивинскомъ походѣ, въ составѣ отряда покойнаго генерала Веревкина, я долженъ сказать, что тотъ походъ въ сравненіи съ Ахаль-Текинскимъ можно назвать прогулкой. Тогда мы шли небольшими переходами въ благоприятное время года, съ нѣкоторымъ даже комфортомъ, имѣя полный колесный обозъ и даже экипажи. Тутъ же было далеко не то.

Теперь мы шли усиленными переходами, версть по 40 и болѣе въ день, глубокими песками. Сигналь подъема давался въ 3—4 часа ночи, шли весь день, не обгоняя нашихъ верблюдовъ, а сообразуясь съ ихъ крайне медленнымъ движеніемъ и приходили на ночлегъ иногда въ 9 часовъ вечера. Два раза случилось даже что арьергардъ пришолъ на мѣсто ночлега утромъ слѣдующаго дня. Ночью, особенно по утрамъ, было очень морозно. Кромѣ двухъ орудій и при нихъ двухъ зарядныхъ ящиковъ въ отрядѣ не было ни одной повозки.

Порядокъ въ походѣ соблюдался слѣдующій: обыкновенно по подъему войска живо готовились: сѣдлались лошади, вьючились верблюды, люди на скоро пили чай и обѣдали (*). Подавался сигналь

(*) Обѣдь этотъ въ 3—4 часа ночи можно, пожалуй, назвать и ужиномъ. Иногда ѣли и 2 раза въ день.

«сборъ» и войска строились. Черезъ 3—4 минуты послѣ этого сигнала полковникъ Куропаткинъ объѣзжалъ уже части: раздавались громкіе отвѣты на привѣтствія; музыка играла маршь и войска выступали, дефилируя мимо начальника отряда.

Пройдя версты двѣ, пѣхота садилась на верблюдовъ, люди прикрѣпляли себя къ верблюдамъ и преспокойно спали. Казакамъ въ этомъ случаѣ было труднѣе, вся охранительная служба, во время движенія отряда, лежала на дивизионѣ; да на лошади спать и запрещается, чтобы не испортить у нея спину. По этому, съ разрѣшенія полковника Куропаткина, я дѣлалъ дивизиону такія облегченія: бывало ускореннымъ шагомъ обгонилъ длинную вереницу верблюдовъ и даже авангардъ, выберешь между барханами укромное мѣстечко и сдѣлаешь приваль, конечно, выставивъ пикеты. Верблюды тянутся въ барханахъ иногда въ линію, а потому, когда подойдетъ арьергадръ, пройдетъ 2 или 3 часа времени. Такъ какъ въ пескахъ растетъ въ большомъ изобиліи саксаулъ, то люди, пользуясь этимъ превосходно горящимъ растеніемъ, приготовятъ и напьются чаю, закусятъ и даже соснутъ. Затѣмъ опять поднимаешься и идешь. Часа черезъ 3—4 снова обгоняешь авангардъ и снова становишься на приваль. Такимъ образомъ время идетъ разнообразно и даже весело. Версты за три до ночлега пѣхота слезаетъ съ верблюдовъ: раздаются звуки музыки; части высылаютъ впередъ жалонеровъ, и отрядъ стройно съ музыкой и пѣснями вступаетъ на обозначенный жалонерами бивуакъ, пройдя церемоніаломъ мимо начальника отряда.

Начинается развьючка подходящих на бивуакъ верблюдовъ, ставятся юламейки, дѣлаются распоряженія о высылкѣ пикетовъ и карауловъ къ колодцамъ, къ которымъ назначаются рабочіе для очистки ихъ, а иногда копаютъ новые колодцы. Черезъ 2—3 часа, по приходѣ на станцію, или ночлегъ, раздается сигналъ «повѣстка къ зарѣ». Люди строятся на своихъ фасахъ (*). Прочитывается приказъ по отряду, дѣлаются наряды въ ночную цѣпь и на завтра въ авангардъ, арьергардъ и патрули; играется заря, затѣмъ люди поютъ «Отче нашъ», музыка играетъ «Коль славень» и «Боже Царя храни». Дается «отбой» и люди расходятся спать подъ звуки играемаго вслѣдъ за отбоемъ марша.

Черезъ $\frac{1}{4}$ часа послѣ этого всѣ уже спятъ, кромѣ часовыхъ и дежурныхъ офицеровъ.

Пустыня, по которой двигался нашъ отрядъ, крайне безотраднa; мѣстность,—забытая Богомъ и людьми. Хотя здѣсь и не встрѣчается такихъ песковъ, какъ на Адамъ-Кырлыганѣ; но за то колодцы здѣсь встрѣчаются гораздо рѣже, чѣмъ тамъ. Если бы не было благопріятствующихъ обстоятельствъ, то отрядъ нашъ едва ли бы дошелъ по назначенію такъ благополучно, какъ случилось. Главнымъ образомъ намъ помогли дожди, вслѣдствіе которыхъ на такырахъ (***) образовались большія лужи; кромѣ того рекогносцировочныя партіи Сары-Камышскаго отряда, направляемыя до Орта-

(*) Въ Туркестанѣ, да и вообще въ степи бивуакъ всегда составляетъ каре.

(**) Большія глинистыя пространства между песками. Дождевая вода на нихъ держалась, принимая, по виду, совершенное подобіе кофе съ молокомъ.

Кую, вырыли колодцы (*), которыми мы и пользовались. Если бы не было дождей, то такіе безводные переходы, какъ отъ Шахъ-Сенема до Орта-Кую (около 150 верстѣ), а отъ сего послѣдняго до Игды (120 вер.), были бы почти не возможны. Въ лужахъ пили лошади и верблюды, а иногда и люди употребляли эту грязную, но прѣсную воду. (Вода въ запасѣ часто бывала соленая и горькая на вкусъ).

При этомъ нужно отдать полную справедливость энергіи начальника отряда—полковника Куропаткина, который своими рациональными распоряженіями сдѣлалъ все возможное для достиженія цѣли движенія отряда. Заботясь всѣми мѣрами о здоровьи людей, полковникъ Куропаткинъ обращалъ также вниманіе и на сбереженіе верблюдовъ, которые и пришли въ Ахаль-Теке въ довольно хорошихъ тѣлахъ, по крайней мѣрѣ не хуже поставленныхъ купцами Мякинъковымъ и Громовымъ, хотя наши верблюды шли все время подъ вьюками и везли нашу пѣхоту.

При движеніи отряда между колодцами Орта-Кую и Игды мы находили слѣды отряда полковника Маркозова, слѣдовавшаго здѣсь въ 1873 году изъ Красноводска въ Хиву и отступившаго обратно вслѣдствіе непреодолимыхъ препятствій, поставленныхъ ему природою. По дорогѣ часто встрѣчались остовы верблюдовъ и лошадей, попадались разныя металлическія солдатскія вещи, встрѣчались пачки бумажныхъ патроновъ, которые при прикосновеніи разсыпались и оставались одни пули; на-

(*) Колодцы эти были очень маловодны и глубоки.

ходили шомпола, желѣзныя лопаты и проч. На колдцахъ Игды проводники показали нѣсколько могилъ нашихъ несчастныхъ воиновъ, прахъ которыхъ такъ далеко заброшенъ отъ родины и отъ всякаго человѣческаго жилища. При прохожденіи мимо этихъ забытыхъ могилъ, отрядъ отдалъ воинскую честь и, снявъ шапки, помолился объ упокоеніи душъ этихъ страдальцевъ, погибшихъ отъ жажды подъ палящими лучами солнца (*).

По счастливой случайности мнѣ лично удалось видѣть всѣ четыре пути отрядовъ, шедшихъ въ Хиву въ 1873 году. Командуя въ 1872 году сотней въ Кандаральскомъ отрядѣ, въ степи Уральской области, я доходилъ до средней части Усть-Урта и потому имѣю понятіе о мѣстности, по которой двигался въ Хиву Мангышлакскій отрядъ—полк. Ломакина. Въ Оренбургскомъ отрядѣ—генерала Веревкина, при движеніи въ Хиву, я состоялъ лично, тоже командуя сотней. По пути Туркестанскаго отряда—генерала фонъ-Кауфмана я шолъ съ дивизиономъ въ 1880 г., какъ уже описывалъ. Теперь же видѣлъ передъ собой путь Красноводскаго отряда—полк. Маркозова. Сравнивая всѣ эти пути, по крайнему своему разумѣнію, полагаю, что путь Красноводскаго отряда былъ наиболѣе труднѣйшій; самый же легкій—это дорога Оренбургскаго отряда.

Съ кол. Игды нашъ отрядъ, усугубилъ мѣры военной предосторожности, такъ какъ на 2-мъ же переходѣ стали замѣчать свѣжіе слѣды текинскихъ

(*) Отрядъ полковника Маркозова слѣдовалъ съ Игды на Орта-Кую въ апрѣлѣ 1873 г. Изъ официальныхъ донесеній полк. Маркозова видно, что жара была такъ велика, что лопнули всѣ, бывшіе въ отрядѣ, градусники.

ауловъ и конныхъ шаекъ. Но кромѣ фальшивой тревоги, бывшей у кол. Нязъ, при выходѣ изъ песковъ, не доходя одного перехода до Бами, ничего не случилось. Придя на этотъ колодець, мы нашли его заваленнымъ. По словамъ проводниковъ, очищать его не было возможности, такъ какъ онъ очень глубокъ. Дивизионъ сталъ на бивуакъ, и посланы были пикеты. Наша пѣхота шла позади, верстахъ въ 4-хъ. Вдругъ пикеты даютъ знать, что навстрѣчу по такырамъ идетъ большое скопище текинцевъ. Высланные офицерскіе разъѣзды подтвердили то же самое и даже добавили, что толпы какъ бы сосредоточиваются и частію обходятъ нашъ отрядъ съ фланга. Раздались звуки «тревоги», послано было приказаніе пѣхотѣ ускорить движеніе, верблюдамъ сосредоточиваться въ вагенбургъ. Всегда хладнокровный, полк. Куропаткинъ на этотъ разъ не выдержалъ и, взявъ сотню казаковъ съ ракетами, двинулся на рысяхъ впередъ. Но вотъ начальникъ высланной цѣпи наѣздниковъ—сотникъ Кунаковскій даетъ знать, что «это наши». Оказывается, что изъ Бами намъ послана вода на 70 верблюдахъ подъ прикрытіемъ роты 82 пѣхотнаго Дагестанскаго полка. Такимъ образомъ состоялось соединеніе съ нами славныхъ кавказцевъ. Командиръ Дагестанской роты—князь Эристовъ рассказывалъ, что, слѣдуя по такырамъ безъ особенной предосторожности, онъ растянулъ свой транспортъ и, завидѣвъ при входѣ въ пески, наши пикеты и разъѣзды, принялъ насъ тоже за текинцевъ и началъ сосредоточивать верблюдовъ. Вышло, что «своя своихъ но познаша».

Колодець Нязь, какъ оказалось, былъ заваленъ нашими войсками, чтобы текинцы, не имѣя тутъ пристанища, меньше тревожили нашъ лагерь у Бами.

8 декабря мы вступили въ Бами, занятый кавказцами текинскій аулъ, гдѣ находились тыльныя управленія и принадлежности дѣйствующихъ войскъ. Помощникъ командующаго войсками, генераль-майоръ Петрусевичь, со многими изъ начальниковъ отдѣльныхъ частей Кавказскаго отряда встрѣтили насъ версты за 4 до Бами. Послѣ обычнаго осмотра, нашъ отрядъ вошелъ парадно въ Бами подъ звуки музыки, какъ своей, такъ и высланнаго къ намъ навстрѣчу дивизионнаго хора 21-й пѣхотной дивизіи. Кавказцы закатили намъ обѣдъ на славу. У нѣкоторыхъ изъ нашихъ нашлись здѣсь старинныя знакомые по хивинскому походу, такъ какъ баталіоны полковъ 21 дивизіи участвовали въ этомъ походѣ. Музыка долго не умолкала въ лагерѣ войскъ.

По старинному кавказскому обычаю пижніе чины нашего отряда были разобраны, тоже для угощенія, по родамъ оружія.

Баталіоны Дагестанскаго и Самурскаго пѣхотныхъ полковъ взяли къ себѣ наши роты, артиллерія взяла нашъ горный взводъ, Уральскую сотню угощали Кубанскіе казаки (Таманскаго, Полтавскаго и Лабинскаго полковъ); а нашей Оренбургской сотнѣ угощеніе было сдѣлано отъ Оренбургскаго же № 5 полка, пришедшаго сюда изъ г. Уфы.

Здѣсь мы узнали, что передовыя войска, подъ личнымъ начальствомъ командующаго войсками,

генераль-адъютанта Скобелева, дѣлали 4 декабря рекогносцировку крѣпости Геокъ-Тепе съ западной ея стороны; узнали, что скоро начнутся рѣшительныя дѣйствія, именно какъ только генераль Скобелевъ выберетъ фронтъ атаки на крѣпость. Кавказскіе офицеры, между прочимъ, сообщили намъ, что на текинцевъ произвело, кажется, моральное вліяніе, въ нашу пользу, бывшее полное лунное затменіе 4 декабря; по крайней мѣрѣ съ этого дня прекратились ихъ набѣги на наши сообщенія. Я забылъ упомянуть въ своемъ мѣстѣ, что затменіе это застало насъ на одномъ изъ переходовъ съ кол. Игды, во время самаго марша, часовъ въ 10—11 ночи. Когда дивизионъ обгонялъ, по обыкновенію, верблюдовъ, наши верблюдоважатые пѣли какія то заунывныя пѣсни и, показывая на луну, говорили намъ, что «много крови прольется». Мы шутя замѣтили имъ, что это Богъ показываетъ гибель текинцевъ, но суевѣрные сыны степей были другаго мнѣнія. Наши лаучи, т. е. верблюдоважатые, не стѣсняясь, говорили намъ: «что Богъ дастъ! А намъ—лаучамъ—пощады не будетъ». Слѣдовательно эти Теке, въ понятіяхъ степняковъ, такъ были страшны, что являлось глубокое сомнѣніе въ нашемъ успѣхѣ.

Мы стояли въ Бами два дня—9 и 10 декабря. Телеграфъ и скорое почтовое сообщеніе съ Россіей производили на насъ самое пріятное впечатлѣніе. Здѣсь было совсѣмъ не то, что въ Петро-Александровскѣ, гдѣ телеграфа нѣтъ, а письма и газеты по почтѣ получаютъ мѣсяца черезъ три послѣ ихъ отправки. Мы съ жадностью накинулись на газе ты,

которые кавказцы считали для себя старьем; а для насъ въ этомъ старьѣ заключались самыя свѣжія новости. Мы здѣсь увидали ржаной хлѣбъ, овесъ и другія русскія произведенія, которыхъ у насъ—въ Туркестанѣ нѣтъ. Однимъ словомъ, мы были ближе къ Россіи, и это было пріятно чувствовать.

11 декабря, во время самаго сбора нашего въ дальнѣйшій путь, въ Кавказскомъ отрядѣ вдругъ забили тревогу. По приказанію полковника Куропаткина дивизіонъ тотчасъ же, сѣвъ на коней, полетѣлъ карьеромъ на мѣсто происшествія. Оказалось, что партія текинцевъ (вѣроятно забывшихъ про затменіе) напала на пасшійся около самаго лагеря казенный скотъ и отогнала около 50 верблюдовъ. Вотъ до какой степени дерзки эти разбойники: шайка, не болѣе 100 челов., нападаетъ на 3000-й лагерь русскихъ войскъ и отбиваетъ верблюдовъ на глазахъ отряда! Когда мы прибыли, Кавказскія казачьи сотни уже преслѣдовали шайку; я пустилъ въ догонку Уральскую полусотню, которая живо догнала кавказцевъ. Отбитые верблюды всѣ были возвращены обратно.

Эта тревога не помѣшала своевременно прибыть намъ на сборное мѣсто Туркестанскаго отряда, уже выстроеннаго на смотръ начальнику военныхъ сообщеній, генераль-лейтенанту Анненкову. Генералъ Анненковъ отправлялся вмѣстѣ съ нами (какъ онъ выражался въ качествѣ «почетнаго пассажира») въ передовой отрядъ къ командиру войсками.

Движеніе отряда отъ Бами до Самурскаго укрѣпленія не представляло ничего особеннаго. Переходы

были очень маленькіе, версть по 15—20. На всемъ этомъ протяженіи была линія нашихъ крѣпостей или форпостовъ, занятыхъ довольно сильными гарнизонами. На каждой стоянкѣ гарнизоны, по принятому обычаю, угощали нашъ отрядъ обѣдами. Кубанскіе казаки—нашъ дивизионъ, Кавказская пѣхота—нашу пѣхоту. На одномъ изъ переходовъ тоже случилась фальшивая тревога, гдѣ мы вмѣсто непріятеля наткнулись на сотню Таманскаго полка. Всѣ были такъ наэлектризованы, что вездѣ представлялись текинцы.

15 декабря мы пришли въ Самурское укрѣпленіе, переименованное такъ изъ текинскаго аула Енгіарь-Батырь-Кала. Здѣсь были передовыя войска съ командующимъ войсками Закаспійскаго края—генераль-адъютантомъ Скобелевымъ; который Самурское укрѣпл. сдѣлалъ опорнымъ пунктомъ для дальнѣйшаго наступленія. Отсюда было версть 15 отъ Геокъ-Тепе, гдѣ собрались всѣ текинцы, чтобы биться на смерть съ гяурами (неверными), побѣдить насъ или умереть у своего священнаго холма (*).

На бывшемъ при вступленіи смотру нашего отряда генераль Скобелевъ особенно задушевно поздоровался съ уральцами. «Здорово молодцы-уральцы», привѣтствовалъ онъ 5-ю сотню и потомъ добавилъ, что Богъ приводитъ уже не въ первый разъ видѣть ему на войнѣ уральцевъ и онъ привыкъ смотреть на нихъ, какъ на настоящихъ молодцовъ въ дѣлѣ. Генераль узналъ меня, ласково поздоровался

(*) Собственно вся укрѣпленная текинцами позиція носила названіе Геокъ-Тепе. Внутри же Геокъ-Тепе находится священный для текинцевъ холмъ, который называется Денгиль-Тепе.

и спрашивалъ о нѣкоторыхъ лицахъ, тоже, какъ и я, имѣвшихъ удовольствіе служить съ нимъ прежде. Въ Туркестанскомъ отрядѣ почти $\frac{1}{3}$ офицеровъ были лично извѣстны генералу Скобелеву, который, какъ извѣстно, и началъ свою военную карьеру въ Туркестанѣ съ скромнаго званія командира Сибирской казачьей сотни; потомъ въ чинѣ подполковника былъ въ Хивинскомъ походѣ въ составѣ соединеннаго Оренбургско-Мангышлакского отряда генерала Веревкина; послѣ этого командовалъ войсками Ферганской области въ Туркестанѣ и затѣмъ, своими дѣйствіями въ послѣдней Турецкой войнѣ, сталъ извѣстенъ всей Россіи.

По этому естественно, что генераль Скобелевъ принялъ насъ—туркестанцевъ, какъ бывшихъ ратныхъ сослуживцевъ. Съ начальникомъ же нашего отряда генераль Скобелевъ дѣлилъ всѣ труды и опасности, какъ въ Туркестанѣ, такъ и въ послѣдней Турецкой войнѣ.

Всѣ офицеры нашего отряда обѣдали въ этотъ день у генерала Скобелева.

18 декабря генераломъ Скобелевымъ предпринята была рекогносцировка юго-западнаго фронта крѣпости и кишлака Янги-Кала. Я былъ назначенъ командовать прикрытіемъ (*), состоявшимъ изъ $5\frac{1}{4}$ сотенъ казаковъ съ двумя ракетными станками (**). Въ свитѣ генерала Скобелева находились

(*) Въ частныхъ корреспонденціяхъ нѣкоторыхъ газетъ было напечатано, что отрядомъ, прикрывавшимъ рекогносцировку 18 декабря, командовалъ графъ Орловъ-Денисовъ. Это не вѣрно. Отрядъ былъ подъ моимъ начальствомъ; дѣпью же высланныхъ отъ отряда наѣздниковъ командовалъ дѣйствительно флигель-адъютантъ, войск. старш. графъ Орловъ-Денисовъ.

(**) Двѣ сотни Полтавскаго, одна Таманскаго полковъ, взводъ Лабинскаго полка и Туркестанскій казачій дивизионъ съ своимъ ракетнымъ взводомъ.

всѣ начальники отдѣльных частей войскъ. Мы двинулись изъ Самурскаго укрѣп. на рысяхъ и, какъ только стали видны съ Денгиль-Тепе, тамъ раздался пушечный выстрѣлъ. Это служило у текинцевъ сигналомъ тревоги. Скоро все видимое пространство покрылось массами неприятельской конницы. Отъ каждой сотни было вызвано по взводу въ наѣздники. Генераль со свитой остановился на одной возвышенности, откуда Янги-Кала и текинскія укрѣпленныя позиціи были видны. Между тѣмъ какъ командуя войсками объяснял наглядно начальникамъ частей диспозицію предположеннаго имъ черезъ день штурма Янги-Калы, наша цѣпь наѣздниковъ открыла сильную пальбу, при чемъ для большей мѣткости люди стрѣляли соскакивая съ лошадей. Видимо, пальба была хороша, потому что текинцы перестали насѣдать на цѣпь и все время держали себя въ почтительномъ отдаленіи. Но вотъ генераль Скобелевъ, сдѣлавъ, что было нужно, приказалъ отступать, передавъ мнѣ чрезъ начальника штаба—генерала Гродекова приказаніе чаще останавливаться. По сигналу, сотни начали отступленіе во взводныхъ колоннахъ на полныхъ интервалахъ. Какъ только текинцы замѣтили это, то снова начали бросаться съ крикомъ на цѣпь. Я послалъ взводъ лабинцевъ для усиленія цѣпи, а отъ фланговыхъ сотенъ выслалъ по взводу для охраненія наѣздниковъ съ фланговъ. На каждой полуверстѣ сотни были останавливаемы, цѣпь «отгрызалась» отъ назойливости текинцевъ и два раза въ толпы ихъ пускали боевыя ракеты. Такъ какъ цѣпь наѣздниковъ слишкомъ увлекалась

стрѣльбой, чрезъ что остановки сомкнутыхъ частей подъ пулями текинцевъ приходилось дѣлать чаще, то мнѣ неоднократно приводилось подтверждать цѣпи приказаніе отступать по возможности скорѣе, не увлекаясь стрѣльбой. Но люди, бывшіе преимущественно первый разъ въ дѣлѣ, слишкомъ горячились, и перекатная пальба ни мало не утихала, благо же патроновъ унасъ было по 120 на ружье. Какіе то два нашихъ ухадпа (*) тоже замѣшались въ цѣпь, стрѣляя изъ прекрасныхъ магазинокъ, подаренныхъ имъ купцомъ Громовымъ. Здѣсь при отступленіи былъ раненъ генералъ Анненковъ, находившійся въ свитѣ командующаго войсками. Въ цѣпи и въ сотняхъ тоже не обошлось безъ потерь, потому что пули визжали по всѣмъ направленіямъ. По мѣрѣ приближенія нашего къ лагерю въ Самурскомъ, толпы непріятеля становились все рѣже и версты за 4 до лагеря я свернулъ отрядъ въ обыкновенную походную колонну, выславъ на смѣну цѣпи полусотню въ арьергардъ.

Уже поздно вечеромъ вернулись мы въ лагерь. Поданы были вѣдомости о потеряхъ и о расходѣ патроновъ. Начальство нашло, что патроновъ израсходовано очень много, и въ приказѣ по Туркестанскому отряду мнѣ былъ объявленъ выговоръ, а бывшихъ въ цѣпи офицеровъ (Туркестанскаго дивизіона) велѣно было назначить на два дежурства безъ очереди за увлеченіе стрѣльбой и происшедшую отъ того громадную растрату патроновъ.

(*) Нѣсколько человекъ ухадцевъ были наняты въ Петро-Александровскѣ купцомъ Громовымъ для сопровожденія поставленныхъ имъ верблюдовъ въ войска Закаспійскаго края. Одинъ изъ ухадцевъ былъ раненъ въ этотъ день.

Первый блинъ вышелъ комомъ; но за то дивизионъ имѣлъ «огненное крещеніе». Потеря была не значительна: ранено 4 нижнихъ чина и убита одна лошадь.

19-е число прошло въ приготовленіяхъ къ штурму Янги-Кала (деревни или кишлака, находящагося верстахъ въ 2-хъ къ югу отъ Геокъ-Тепе). Въ части розданы были планы, инструкціи, для дѣйствія войскъ и диспозиціи штурма. Всѣ начальники частей были собраны къ ставкѣ командующаго войсками, гдѣ еще разъ было разъяснено все то, что находили нужнымъ спросить начальники штурмовыхъ колоннъ. Все было объяснено до малѣйшихъ деталей.

Отъ Краснаго Креста были розданы всѣмъ чинамъ войскъ матеріалы для первоначальной перевязки ранъ.

По диспозиціи дивизионъ входилъ въ составъ штурмовой колонны полковника Куропаткина (*), который долженъ былъ, взявъ вправо, обойти Янги-Калу и штурмовать ее съ юга; колонна же полк. Козелкова должна была ударить на Калу прямо съ запада. По этому, чтобы успѣть сдѣлать обходъ, выступленіе нашей колоннѣ назначено было часомъ раньше.

20 декабря, въ 7 часовъ утра, всѣ назначенныя на штурмъ войска стояли въ стройныхъ колоннахъ внѣ лагеря; на срединѣ передъ фронтомъ стоялъ аналой и при немъ отрядный іеромонахъ. Пріѣхалъ командующій войсками, объѣхалъ войска, и поздра-

(*) Колонна полк. Куропаткина состояла изъ 8 ротъ пѣхоты, 2 сотенъ казаковъ съ 2-мя ракет. станками и 8 орудій.

вить съ предстоявшимъ штурмомъ. Начался молебенъ о ниспосланіи побѣды на наше оружіе.

По окончаніи молебна колонна полковника Куропаткина выступила первою съ распущеннымъ знаменемъ 1-го баталіона ширванцевъ, съ пѣснями и музыкой. Нашъ дивизионъ назначенъ прикрывать справа авангардъ колонны. Скоро раздался знакомый уже пушечный выстрѣлъ съ Денгиль-Тепе, и непріятельскія конныя толпы стали вылетать изъ крѣпости цѣлыми тучами. Мѣстность была волнистая; справа тянулся высокій хребетъ Копеть-Дагъ; впереди видѣлся небольшой садъ, составляющій южную оконечность кишлака Янги-Кала. На этотъ то садикъ дивизионъ и имѣлъ направленіе. День былъ теплый и ясный. Солнце свѣтило по лѣтнему (*).

Взводъ оренбургцевъ, бывшій въ авангардѣ дивизиона, вскорѣ началъ перестрѣлку съ конными текинцами, и я на смѣну авангарда вызвалъ отъ дивизиона отборныхъ наѣзтниковъ съ сотниками Кунаковскимъ и Смирновымъ. Непріятельскіе всадники начали постепенно отходить къ кишлаку, гдѣ засѣла ихъ пѣхота, открывшая вскорѣ по дивизиону сильный огонь. Вызвавъ ракетный взводъ на позицію, я спѣшилъ дивизионъ въ одной случившейся тутъ небольшой лощинѣ. Сотнику Буренину приказано было отвести всѣхъ коноводовъ за сферу выстрѣловъ: войсковой старшина Бородинъ назначенъ былъ идти съ Уральской сотней въ цѣль, куда придана была и половина Оренбургской сотни;

(*) Здѣсь зимы почти нѣтъ. Рѣдко было ниже 0°/. Впрочемъ въ послѣдствіи, въ концѣ января и въ началѣ февраля, было довольно холодно, и однажды выпалъ даже снѣгъ.

наѣзники были отозваны; полусотня Оренбургцевъ, оставшаяся въ резервѣ, положена была въ одной изъ ложинокъ. Пользуясь волнообразной мѣстностью: спѣшенные казаки, стрѣляя и перебѣгая отъ одного закрытія къ другому, вскорѣ приблизились на 400 шаговъ къ стѣнкѣ кишлака, гдѣ и залегли въ одной канавкѣ. При этомъ потери въ людяхъ не было; но у командовавшего цѣпью войск. стар. Бородина и его трубача лошади были подбиты. Наша цѣль и ракеты вели оживленную пальбу до тѣхъ поръ, пока наше мѣсто не заняла подошедшая пѣхота нашей колонны.

Въ это время прискакавшій ординарецъ передалъ мнѣ приказаніе полковника Куропаткина, — идти скорѣе къ главнымъ силамъ колонны. Сѣвъ на коней, дивизионъ пришелъ на рысяхъ къ нашей артиллеріи, которая въ это время обстрѣливала цѣпь холмовъ у подошвы Капетъ-Дага, близъ ручья Секизъ-Ябъ; тамъ тоже засѣло много текинцевъ. Ракеты и шрапнель скоро ихъ оттуда выжали, и вся колонна, очистивъ такимъ образомъ свой правый флангъ, начала перемѣнять свой фронтъ. Заходя постепенно правымъ плечемъ, войска колонны стали такимъ образомъ фронтомъ противъ южной оконечности Янги-Кала. (*) При этомъ дивизионъ служилъ прикрытіемъ артиллеріи, переправилъ орудія черезъ крутоберегій ручей Секизъ-Ябъ, сдѣлавъ спуски. (**)

(*) За невозможностью приложить къ настоящей статьѣ отчетную карточку, прошу интересующихся военнымъ дѣломъ читателей взять № 4 Военнаго Сборника за 1881 г., гдѣ приложены планы окрестностей Геокъ-Тепе и чертежи осадныхъ работъ.

(**) Шанцевый инструментъ всегда возился за дивизиономъ на вьючныхъ лошадяхъ.

дивизионъ уступомъ вправо на 800 шаговъ впереди первой линіи пѣхоты. Слѣдуя такимъ образомъ, мы должны были постепенно обхватывать Янги-Калу съ восточной стороны.

Артиллерія нашей колонны начала кононаду по кишлаку; пѣхотная цѣпь наступала перебежками; дивизионъ, соображаясь съ цѣпью и 1 линіей пѣхоты, обходилъ кишлакъ съ востока. Съ нашей стороны, какъ болѣе возвышенной мѣстности, очень ясно былъ видѣнъ весь бой. Мы любовались дѣйствіемъ, бывшей въ составѣ нашей колонны, 4-й батареи 20 артиллерійской бригады, гранаты которой рвало, какъ разъ надъ головами текинцевъ. Смотри въ бинокль, я отчетливо видѣлъ напримѣръ такую картину: какой-то текинецъ, по видимому начальникъ, ѣдетъ очень важно на бѣлой лошади, за нимъ большая конная толпа человѣкъ съ 500. Но вотъ надъ ихъ головами бѣлое облачко,—люди и лошади валятся, прочіе скачутъ назадъ. Начальникъ ихъ останавливаетъ, говоритъ, видимо съ жаромъ, машетъ руками. Они отступаютъ уже шагомъ. Вотъ опять сразу три или четыре облачка надъ головами,—опять валятся люди и лошади; рысью ѣдетъ назадъ уже и самъ начальникъ съ оставшимися; но въ саженьяхъ 50 опять надъ головами ихъ бѣлый дымъ отъ разрыва нѣсколькихъ гранатъ, кучка начальника сильно порѣдѣла и онъ, теряя свою важность и сановитость, пускается скакать назадъ къ Геокъ-Тепе, въ сопровожденіи не болѣе 100 человѣкъ оставшихся цѣлыми изъ его толпы. А насаку ихъ опять настигаетъ разрывъ гранатъ;—но послѣдствія уже не видны,—все заслано дымомъ и пылью...

Подобно этой толпѣ, были выбиты и все прочія полчища текинцевъ однимъ дѣйствиємъ артиллеріи. Когда былъ поданъ сигналъ «бой къ атакѣ», и конны пошли на штурмъ, — то бѣжали и самые храбрые изъ защитниковъ.

Кишлакъ былъ занятъ безъ рукопашнаго боя.

Во все это время, дивизионъ, охвативъ кишлакъ съ востока, отгонялъ ракетами и огнемъ спѣшенной полусотни, пѣшія и конныя толпы текинцевъ, стремившихся въ Янги-Калу по асхабадской дорогѣ.

Въ 3 часа по полудни мы вышли къ Ольгинской калѣ, которая и была занята дивизиономъ. Сюда къ вечеру на смѣну къ намъ пришли сотня 5 Оренбургскаго и сотня Таманскаго казачьихъ полковъ. Сдавъ имъ калу, я повелъ дивизионъ въ общій лагерь дѣйствующихъ войскъ, который былъ разбитъ въ 1½ верстахъ отъ южной оконечности крѣпости Геокъ-Тепе.

Всю ночь была перестрѣлка.

21 декабря отъ дивизиона были командированы 2 взвода въ Самурское укрѣп. за оставшимися тамъ нашими тяжестями и 2 взвода уральцевъ въ Ольгинскую калу. Около полудня Оренбургская сотня была потребована къ 1 баталіону Самурскаго полка, который повелъ самъ генераль Скобелевъ на поддержку кавказской кавалеріи, посланной съ утра на рекогносцировку вокругъ крѣпости. Къ Оренбургской сотнѣ приданъ былъ на пополненіе и оставшійся на лицо одинъ взводъ уральцевъ. Сотня эта вернулась вечеромъ съ 3 вновь пожалованными георгіевскими кавалерами.

22 декабря полковник Куропаткинъ, съ баталіономъ ширванцевъ и полусотней уральцевъ, занялъ калу, названную впоследствии «право-фланговой». Устроивъ здѣсь батарею, полковникъ Куропаткинъ двинулся съ отрядомъ далѣе, вызвавъ гелиограммой къ себѣ изъ лагеря остальные части нашего дивизиона. Идя параллельно сѣверо-восточному фронту крѣпости, мы вскорѣ заняли еще калу, около которой были небольшіе сады. Сады эти впоследствии названы «садами Петрусевича», такъ какъ генералъ Петрусевичъ на другой день здѣсь былъ убитъ.

Здѣсь было много продовольственныхъ запасовъ, и намъ разрѣшено было фуражировать. Но вдругъ появилось изъ крѣпости огромное скопище текинцевъ. Полковникъ Куропаткинъ приказалъ играть скорѣе «сборъ» и отступать. Дивизионъ собрался довольно быстро и началъ отступление черезъ линію, отстрѣливаясь ракетами. Непріятель провожалъ насъ съ версту, стрѣляя безъ умолку. Въ этотъ день дивизионъ потерялъ 2 казаковъ убитыми; (*) ранены: 1 офицеръ (Оренб. сотни сотн. Кременцовъ) и 4 нижнихъ чина. Убито и ранено нѣсколько лошадей.

Въ этотъ день вернулись изъ Самурскаго наши 2 взвода и привезли всѣ оставленные тамъ нами вещи.

Въ полночь я былъ потребованъ къ начальнику нашего отряда, который приказалъ назначить 4 хо-

(*) 9 человекъ оренбургцевъ фуражировали довольно далеко отъ дивизиона. Растерявшись, при неожиданномъ нападеніи непріятеля, казаки эти бросились скакать въ дивизионъ въ то время, какъ у 2-хъ ихъ товарищей вырвались изъ рукъ лошади. Тѣла несчастныхъ найдены были на другой день въ страшно обезображенномъ видѣ.

рошихъ казаковъ—уральцевъ въ проводники къ генералу Петрусевичу, собиравшемуся въ это время выступить съ кавказской кавалеріей къ калѣ, гдѣ мы фуражировали. Вмѣстѣ съ тѣмъ полковникъ Куропаткинъ предложилъ мнѣ, не найду ли я нужнымъ послать съ этимъ отрядомъ по взводу отъ каждой сотни на фуражировку. При этомъ начальникъ отряда объявилъ мнѣ, что завтра дивизиону дается полный отдыхъ.

Къ генералу Петрусевичу назначены были урядникъ Жериховъ и казаки Джалдыбаковъ, Тетиковъ и Лоскутовъ. На фуражировку назначены 2 взвода подъ начальствомъ сотниковъ Колотинскаго и Второва.

Утромъ мы увидали, что наша пѣхота ведетъ сильную перестрѣлку съ текинцами, стоящими открыто на стѣнахъ крѣпости. Закладывалась 1 параллель. Въ то же время слышна была пушечная кононада по направленію къ право-фланговой калѣ. Намъ было приказано: сѣдлатъ коней и идти на рысяхъ на помощь кавказской кавалеріи. Слѣдуя мимо право-фланговой калы, мы узнали отъ проскакавшихъ въ лагерь и калу ординарцевъ, что генераль Петрусевичь убитъ, что отрядъ и особенно драгуны потеряли много людей, что кавказцы отступаютъ, что вообще дѣло неудачное. Скоро намъ начали встрѣчаться печальныя картины: везли перекинутые черезъ сѣдла трупы убитыхъ нижнихъ чиновъ, пронесли завернутыя въ бурки тѣла генерала Петрусевича, маіора Булыгина, эсаула Иванова; несли и вели подъ руки раненыхъ, въ томъ числѣ нашего Жерихова. Маршъ-маршемъ проска-

кали въ лагерь зарядные и патронные ящики за снарядами и патронами. По прибытіи къ мѣсту боя дивизионъ развернулъ фронтъ и вмѣстѣ съ прибывшей пѣхотой принялъ на себя отступавшіе драгунскіе эскадроны и кавказскія сотни, смѣнивъ ихъ цѣпь своими наѣздниками. Дальнѣйшее отступление, принявшаго начальство полк. Куропаткина, было какъ на маневрахъ: роты туркестанцевъ и Ширванскаго полка занимали боевыя линіи и, отступая, стрѣляли залпами; въ срединѣ ихъ находилась артиллерія, которая по временамъ, быстро снимаясь съ передковъ, обдавала картечью насѣдавшихъ текинцевъ. Нашъ дивизионъ охранялъ отъ обхода правый флангъ отступавшей пѣхоты, при чемъ наши наѣздники тоже вели очень оживленную пальбу; а по временамъ, при сильныхъ натискахъ, мы употребляли и ракеты.

Приближаясь къ право-фланговой калѣ, мы увидали значекъ генерала Скобелева, прибывшаго изъ лагеря и объѣзжавшаго отступавшія войска. «Во славу падшихъ, ура», говорилъ генералъ. Громкое «ура» раздавалось въ войскахъ, которыя при этомъ посылали массу чугуна и свинца въ толпы текинцевъ въ отмщеніе за падшихъ своихъ товарищей и славнаго генерала Петрусевича.

У право-фланговой калы войска остановились. Ждали еще натиска текинцевъ; но они не шли впередъ и скоро разсѣялись. Нашъ дивизионъ направлень былъ въ гарнизонъ Ольгинской калы. Тамъ мы ночевали, а по утру, будучи смѣнены Тверскими драгунами, ушли въ главный лагерь.

23 числа въ дивизионѣ ранено 9 чел. нижнихъ

чиновъ, изъ которыхъ 5 остались во фронтѣ (*).

24 числа мы отдыхали.

Въ полночь раздался залпъ со всѣхъ нашихъ батарей, въ честь наступившаго праздника Рождества Христова.

Въ 7 часовъ утра 25 декабря я выступилъ на фуражировку по асхабадской дорогѣ, съ отрядомъ изъ 4-хъ сотенъ казаковъ, съ 2-мя ракетными и съ 1 гелиографнымъ станками. Кромѣ моего дивизиона еще были приданы: сотня Таманскаго и сотня Оренбургскаго № 5 каз. полк. При отрядѣ состояло около 300 фурштатовъ, деньщиковъ, торговцевъ и разныхъ нестроевыхъ съ вьючными и подъемными лошадьми. Отправляя меня, полк. Куропаткинъ просилъ быть, какъ можно, осмотрительнѣе, чтобы не было никакой потери. Отойдя верстъ 10 отъ лагеря, мы встрѣтили два кишлака, въ которыхъ оказались продовольственные запасы. Выставивъ пикеты и оставивъ двѣ сотни въ строю, я началъ фуражировку. Въ 12 часовъ поданъ былъ мною сигналъ «сборъ»; сотни собрались скоро; но нестроевая команда такъ увлеклась раскапываніемъ всякаго добра, что сигналъ, повторяемый всѣми трубачами, въ продолженіи $\frac{1}{2}$ часа времени, мало помогаль сбору; пришлось въ дѣло пустить нагайки, чтобы собрать всѣхъ этихъ безпардонныхъ людей. Въ половинѣ перваго колонна тронулась обратно. Въ это время боковые патрули дали знать, что справа изъ песковъ идетъ масса непріятельской конницы, на которую сначала патрули не обращали вниманія, полагая, что это фуражируетъ кавказ-

(*) Въ Уральской сотнѣ ранены: уряд. Жериховъ и казаки Джалдыбаговъ и Лоскутовъ. Пслѣдніе двое остались въ строю.

ская кавалерія. Въ это время колонна переходила одинъ за другимъ три круто-берегіе ручья, перерѣзывавшіе намъ дорогу, и растяннулась. При извѣстїи о непрїятелѣ на всю нестроевую нашу обузу напала паника; нѣсколько человекъ оставили въ ручьяхъ лошадей и тюки, загроздивши спуски, и бросились бѣжать. Поднялся крикъ. Переправившіеся черезъ ручьи ударились было скакать въ лагерь... Однимъ словомъ вышла суматоха. Къ довершенію всего текинцы перешли въ галопъ и весьма быстро приближались къ намъ. По моему приказанію войсковые старшины Бородинъ и Грековъ быстро развернули свои сотни направо и спѣшили часть людей, чтобы закрыть колонну съ угрожаемаго фланга. Командиръ ракетнаго взвода, штабсъ-капитанъ Волосатовъ, выбравъ удачно позицію, пустилъ нѣсколько ракетъ, которыхъ такъ боятся лошади средне-азіатцевъ. Сотникъ Амарцевъ со взводомъ оренбургцевъ посланъ былъ мною впередъ колонны удержать бѣгущихъ фуражировъ и спланивать ихъ въ одну плотную массу. Старшему гелиографисту приказано мною дать гелиограмму на право-фланговую калу о появленіи непрїятеля. Къ счастью близъ нашей дороги находился холмъ, съ котораго станція гелиографа на право-фланговой калѣ была видна; слѣдовательно гелиограмма должна была дойти по назначенію (*). Богъ помогъ намъ въ эти критическія минуты перейти всѣ ручьи. Видя

(*) Гелиографъ—оптический телеграфъ, основанъ на миганіи свѣта въ зеркалахъ. Между двумя станціями гелиограмму возможно передать только при условіи, чтобы станціи съ своими зеркалами видны были другъ другу. Въ степной войнѣ, по отсутствію столбовъ и проволоки, гелиографъ имѣетъ преимущество передъ телеграфомъ. Гелиографъ былъ очень полезенъ войскамъ при осадѣ крѣпости Геокъ-Тепе.

бывшій безпорядокъ на переправѣ, текинцы, навѣрное, все-таки бросились бы на насъ въ атаку; но въ это время появилась у нихъ съ флангу бѣгущая къ намъ на выручку стрѣлковая рота 13-го Турк. лин. баталіона съ подпоручикомъ Агафоновымъ (*). Текинцы начали заходить къ намъ въ тылъ, гдѣ съ ними во все время дальнѣйшаго движенія перевѣдывалась бывшая въ арьергардѣ Таманская сотня.

Не доходя версты 3—4 до лагеря, колонну встрѣтили генераль Скобелевъ и полковникъ Куропаткинъ. За ними шли войска въ подкрѣпленіе, которое было уже не нужно. Потери въ фуражировавшей колоннѣ не было; но, трое персіанъ, служителя отрядныхъ переводчиковъ, наиболѣе увлекшіеся фуражировкой и потому отставшіе, были убиты.

Все, нафуражированное нами, было отобрано въ продовольственный складъ. При послѣдующихъ фуражировкахъ отбиралась четвертая часть. Что касается до довольствія людей, то намъ шла такъ называемая «морская провизія». Нѣкоторыхъ припасовъ этой провизіи вовсе не было въ запасѣ, другіе же припасы отпускались не въ положенномъ количествѣ. Но что же было дѣлать, когда продовольствія было вообще мало. Всѣмъ было извѣстно, что наша база была далеко отъ мѣста дѣйствія, а перевозочныя средства не въ достаточномъ количествѣ. Никто на недостатки и не жаловался. Войска бы-

(*) Рота Агафопова была поставлена полк. Куропаткинымъ «на всякій случай» въ одномъ изъ кишлаковъ, верстахъ въ пяти отъ фуражировки. При Агафоновѣ былъ Уральскій казакъ Скворкинъ, который подъ выстрѣлами текинцевъ прискакалъ ко мнѣ за приказаніями отъ командира роты и, получивъ ихъ, на хорошей своей лошади, успѣлъ проскакать одинъ къ ротѣ подъ самымъ носомъ текинцевъ.

ли увѣрены, что все это происходитъ единственно въ силу мѣстныхъ условій военныхъ дѣйствій.

27 декабря дивизионъ конвоировалъ генерала Скобелева въ Самурское укрѣпл., откуда вернулись вечеромъ, въ этотъ же день и привезли съ собою 280 боевыхъ ракетъ, полученныхъ въ Самурскомъ. Во время слѣдованія, по личному приказанію командующаго войсками, уральцы охотились за мелькавшими вдали непріятельскими всадниками и двухъ изъ нихъ взяли въ плѣнъ.

По приходѣ въ лагерь, дивизионъ былъ потребованъ на правый флангъ осадныхъ работъ и сталъ бивуакомъ у Ольгинской калы.

Съ 28 числа дивизионъ началъ нести трудную траншейную службу. Каждодневно сначала по 100, а за тѣмъ по 50 челов. требовалось въ траншейный карауль. 28 числа открыта была 2-я параллель.

Передъ вечеромъ 28 декабря съ ординарцемъ своимъ Биженчемъ (*) я ходилъ съ докладомъ къ полк. Куропаткину во 2-ю параллель. При возвращеніи онъ просилъ меня зайти на редутъ № 1 (въ 1-й параллели) и пригласить къ нему завѣдывающаго артиллеріей праваго фланга подполковника Мамацева. Съ Мамацевымъ я былъ знакомъ и онъ встрѣтилъ насъ съ Биженчемъ очень радушно, велѣлъ подать чаю и закусить, спросилъ, нужно ли ему

(*) Биженчъ, бывший майоръ, сослужавецъ мой по прежней службѣ въ Туркестанѣ. Лишенный по суду чиновъ и орденовъ, онъ поступилъ въ Туркестанскій отрядъ, благодаря полному сочувствію къ его несчастію полк. Куропаткина. На время военныхъ дѣйствій Биженчъ просился быть прикомандированнымъ къ Уральской сотнѣ, такъ какъ онъ хорошо зналъ нашихъ казаковъ, будучи командиромъ сборной каз. сотни. Въ настоящее время Биженчу всемілостивѣйше возвращены чинъ майора и все въ орденъ, какіе онъ имѣлъ.

взять съ собою револьверъ. Мы посовѣтовали взять потому, что въ траншеяхъ были большія пространства, не занятыя войсками. Онъ просилъ насъ посидѣть у него, такъ какъ, говорилъ онъ, на него напала какая то тоска, и онъ радъ будетъ, по возвращеніи провести съ нами вечерокъ. Мамацевъ ушолъ; мы остались у него въ кибиткѣ. По уходѣ его я вспомнилъ, что полк. Куропаткинъ приказалъ назначить къ нему на завтра, къ 4 часамъ утра, 10 чел. хорошихъ стрѣлковъ; а потому мы вскорѣ пошли на свою Ольгинскую калу сдѣлать это распоряженіе, надѣясь потомъ вернуться къ Мамацеву. На всемъ протяженіи нашихъ осадныхъ работъ была полная тишина. Только что мы успѣлись въ нашей юламейкѣ, и я позвалъ вахмистровъ, какъ въ траншеяхъ началась стрѣльба, послышались крики, за тѣмъ нѣсколько залповъ, потомъ грянули пушечные выстрѣлы, затрещали картечницы, и вскорѣ все слилось въ одинъ непрерывный гулъ выстрѣловъ. Мы выскочили на нашъ валъ, и предъ нами открылось величественное зрѣлище: въ темнотѣ ночи всѣ наши траншеи обрисовывались огненными линіями отъ непрерывнаго ружейнаго огня. Изрѣдка перерѣзывали воздухъ огненные шары съ нашей мартирной батареи. Орудійный огонь былъ въ особенности силенъ съ батареей № 3 и 5 и обоихъ редутовъ праваго фланга. Съ правого фланговой калы (отъ насъ сбоку) тоже раздавались залпы и пушечные выстрѣлы. Это была первая отчаянная вылазка текинцевъ.

Отправивъ войск. старш. Бородина съ резервомъ

бѣгомъ на редутъ № 1, я вскорѣ на лошади тоже прибылъ на эту редутъ. Здѣсь непріятель уже былъ отраженъ до нашего прибытія. Отъ командовавшаго здѣсь резервами подполковника князя Голицына я узналъ, что во второй параллели убито много офицеровъ и въ томъ числѣ нашъ бѣдный Мамацевъ (*), такъ радушно угощавшій насъ за 1/2 часа до своей смерти. Тутъ же узнали мы, что 4-й баталіонъ апшеронцевъ сильно пострадалъ и лишился знамени (**). Вскорѣ фургоны Краснаго Креста начали свозить на перевязочный пунктъ у Ольгинской калы цѣлыя груды нашихъ убитыхъ и раненыхъ.

Эта отчаянная вылазка гарнизона была отражена, при помощи резервовъ, на всѣхъ пунктахъ.

29 числа къ нашей Ольгинской калѣ начали стягиваться войска, назначенныя служить резервомъ при штурмѣ группы калъ, находившихся саженьяхъ въ 60-ти отъ главнаго вала крѣпости.

Въ 2 часа дня была открыта сильная бомбардировка крѣпости, а въ 3 часа колонны пошли на штурмъ на вышеозначенныя калы. Бой длился довольно долго; наши войска взяли всѣ три калы, которыя получили названіе «Великокняжеской», «Охотничей» и «Туркестанской». Въ штурмѣ участвовалъ отъ дивизіона бывшій въ тотъ день траншей-

(*) Послѣ мы узнали, что подполковникъ Мамацевъ изрубленъ пашками текинцевъ въ то время, какъ шолъ одинъ съ вѣстовымъ по траншеямъ.

(**) Знамя было при 14 ротѣ во 2-й параллели. Здѣсь были убиты командиръ баталіона—князь Магаловъ, оба офицера роты, баталіонный врачъ и легла почти вся 14-я рота. Знамя взяли текинцы. Впослѣдствіи оно было взято обратно при штурмѣ 12 января.

ный карауль, въ которомъ убитъ казакъ Уральской сотни Григорій Горшковъ и раненъ казакъ Темновъ.

30 декабря отъ дивизиона было потребовано во вновь занятые калы 100 чел. пѣшихъ казаковъ (*). А вечеромъ, въ случаѣ вылазки, велѣно было послать туда и остальную половину дивизиона. Начальникомъ траншейнаго караула на этотъ день былъ назначенъ командовавший Оренбургской сонней, эсауль Петровъ, а командовать резервомъ назначенъ былъ войск. старш. Бородинъ.

Мнѣ въ этотъ вечеръ почему-то не спалось, и я лежалъ у себя въ юламейкѣ, читая книгу. Юламейка у насъ была общая съ Г. О. Бородинымъ, который въ это время спалъ. На столѣ горѣла свѣча, дверь юламейки была отворена. Въ траншеяхъ была тишина. Вдругъ въ половинѣ 12-го раздалась знакомая ружейная трескотня, залпы и громъ пушекъ. Я разбудилъ Бородина, а самъ, выскочивъ изъ юламейки, крикнулъ: «въ ружье». Люди были совершенно готовы и лежали на фронтѣ, который у насъ былъ обращенъ къ тылу, такъ какъ на сторонѣ, обращенной къ крѣпости, была кала и валъ. Еще 2 минуты и резервъ убѣжалъ бы въ передовыя траншеи, оставивъ меня охранять калу съ 20—30 чел. Но вдругъ блеснула съ тылу линія огоньковъ, послышался свистъ пуль и затѣмъ раздались пронзительные гики текинцевъ, которые понеслись на калу. Сотни дали залпъ, другой, ракеты описали свои огненные линіи и освѣтили толпы нападавшей на насъ съ тылу непріятельской

(*) Нарядъ въ траншеи отъ дивизиона казаковъ былъ всегда смѣщенный, по-ровну отъ каждой сотни. Такъ было приказано пол. Куропаткинымъ.

конницы. Залпы были на близкомъ разстояніи и при томъ были для текинцевъ совершенной неожиданностью. Они всѣ быстро ускакали назадъ; но до самаго разсвѣта передъ калой виднѣлись одиночные всадники, вѣроятно собиравшіе трупы. Богъ насъ видимо спасъ. Сдѣлай они нападеніе немного позже, когда бы ушолъ резервъ, и 20—30 челов. едвали бы устояли. А между тѣмъ въ Ольгинской калѣ, бывшей въ моемъ завѣдываніи, хранились: казенные денежные ящики, большіе запасы динамита и пороха, наши сотенные значки, и около самой калы былъ разбитъ дивизионный лазаретъ 21 пѣх. дивизіи, состоявшій тоже подъ нашимъ охраненіемъ. Поутру наши драбанты нашли въ нашей юламейкѣ 7 пуль и самая юламейка была пробита. Это значитъ, что текинцы цѣлили на мою горящую свѣчку, ибо больше на бивакѣ огня не было.

Вылазка въ эту ночь изъ крѣпости была направлена главнымъ образомъ на лѣвый флангъ осадныхъ работъ, гдѣ на редутѣ № 3 непріятель имѣлъ временный успѣхъ. На всемъ остальномъ протяженіи нашихъ траншей вылазка была отбита.

Изъ главнаго лагерьа замѣтили по залпамъ нападеніе на нашу Ольгинскую калу, и потому вскорѣ приобѣжала къ намъ рота Самурскаго полка, направленная сюда самимъ генераломъ Скобелевымъ.

Въ часъ ночи я получилъ приказаніе, сдать калу самурпамъ, идти съ дивизиономъ въ конномъ строю на редутъ № 1-й, гдѣ и поступить въ распоряженіе полковника князя Эрística.

Кавалерійскій отрядъ князя Эрística состоялъ

изъ эскадрона драгунъ и 4-хъ сотенъ казаковъ при 2-хъ орудіяхъ. Передъ разсвѣтомъ отрядъ этотъ выступилъ въ пески и, обойдя сѣверный фронтъ Геокъ-Тепе, вернулся обратно. Цѣль движенія этого отряда была провѣрить добытое откуда то свѣдѣніе, что текинцы будто бы уходятъ изъ Геокъ-Тепе. Оказалось, что слухъ былъ не вѣренъ; напротивъ мы видѣли, что нѣсколько шаекъ пробирались въ крѣпость.

Мы вернулись съ этой проѣздки часовъ въ 11 утра 31 декабря и были направлены въ главный лагерь, перенесенный въ этотъ день подъ самыя стѣны крѣпости, на разстояніе не болѣе 900 шаговъ отъ главнаго вала.

Служба сдѣлалась еще труднѣе. Отъ дивизіона ежедневно требовалось: въ траншейный караулъ — 50 чел., въ ординарцы и навѣсти до 30 чел., конная полусотня на ночь въ Ольгинскую и Правифланговую калу для содержанія разѣздовъ; кромѣ того изрѣдка посылалось по взводу или по два съ фуражировавшими колоннами. Если прибавить къ этому домашній расходъ людей и нарядъ на наблюдательныя станціи, то понятно будетъ, что людей на двѣ смѣны далеко не доставало. Къ этому еще нужно сказать, что прибываніе на свободѣ въ лагерь нельзя было назвать отдыхомъ, какъ потому, что пули свистали въ лагерьъ непрерывно, такъ и потому, что на ночь люди всѣ выводились на фасы лагера и должны были быть въ полной готовности. На фасѣ дозволялось только сидѣть и дремать, имѣя ружье въ рукахъ. Въ траншеяхъ нельзя было и дремать, потому что казачьи траншейные караулы,

въ послѣдніе дни осады, были въ Саперномъ и Ширванскомъ редутахъ, находившихся шагахъ въ 80 отъ главнаго вала. Здѣсь ночью слышны были всѣ крики и даже разговоры текинцевъ.

Положеніе бѣдныхъ нашихъ лошадей было по истинѣ самое печальное. Корму почти не было, развѣ доставалась одна солома и 2—3 пригоршни овса; бывали случаи, что и напоить ихъ было некому, потому что люди были всѣ въ разныхъ раскомандировкахъ. Лошади стояли открыто, не защищенные никакимъ заваломъ и гибли отъ текинскихъ пуль. Въ продолженіе 13-ти дней—этого самаго труднаго періода нашей службы (съ 31 декабря до 12 января) лошадей убито въ Уральской сотнѣ—19, въ Оренбургской съ ракетнымъ взводомъ—26. Много лошадей было переранено.

Всѣ огни въ лагерѣ съ наступленіемъ темноты велѣно было тушить, чтобы не привлекать на нихъ выстрѣлы изъ крѣпости. Вокругъ лагеря закладывались секреты, люди сидѣли и полулежали, въ полной готовности на своихъ фасахъ. Изрѣдка раздавался въ разныхъ мѣстахъ кавалерійскій сигналъ «слушай», играемый конными развѣздами, и это была отрада, какъ знакъ, что все пока благополучно.

Какъ только наступало утро, люди наскоро готовили себѣ чай и обѣдъ въ десяточныхъ и сѣдельныхъ котелкахъ, поили лошадей и шли на смѣну въ траншеи. Тамъ иногда, если непріятель держалъ себя скромно, полк. Куропаткинъ, находившійся все время осады въ Великокняжеской калѣ, разрѣшалъ людямъ отдыхать и варить пищу въ этой калѣ. Иногда траншейному караулу было лег-

че, нежели «отдыхающимъ» въ лагерѣ. Въ траншеяхъ все-таки было закрытіе; въ лагерѣ не было нигдѣ безопаснаго мѣста. Здѣсь каждодневно убивали и ранили по нѣскольку человекъ. Нѣсколько человекъ было убито и вновь ранено въ госпиталѣ Краснаго Креста, хотя госпиталь и былъ закрытъ небольшимъ траверсомъ. Нашъ фельдшеръ Калентьевъ, раненый 31 декабря въ траншеяхъ пулей въ ногу, лежа въ госпиталѣ, получилъ другую болѣе серьезную рану, отъ которой чуть было не умеръ.

1-го января, по приказанію коменданта лагеря, изъ всѣхъ оставшихся на лицо людей дивизіона, велѣно было сформировать конную сотню, назначенную конвоировать довѣреннаго купца Громова, отправлявшагося съ деньгами, по надобностямъ отряда, за персидскую границу. Съ придачей ракетчиковъ, драбантовъ, обозныхъ и прочаго люда удалось набрать 97 нижнихъ чиновъ, составившихъ эту сотню, подъ начальствомъ эсаула Петрова. Сотня, проводивъ довѣреннаго верстъ 15 отъ лагеря, возвращалась обратно, какъ вдругъ, въ одномъ изъ ущелій Копеть-Дага, была атакована текинцами. Казаки спѣшились, сбатовали лошадей и начали отстрѣливаться. Между тѣмъ, безпокоясь объ сотнѣ, я просилъ коменданта передъ вечеромъ выслать по той же дорогѣ еще сотню. Былъ высланъ эскадронъ драгунъ. Текинцы съ вершинъ горъ замѣтили это и разсѣялись. Сотня Петрова вернулась въ лагерь часовъ въ 9 вечера и привезла 3-хъ раненыхъ нижнихъ чиновъ. (*)

(*) Изъ числа ихъ смертельно раненый вахмистръ Уральской сотни Хоритонъ Макаровъ умеръ на другой день.

2-го и 3-го января дивизионъ потерялъ 2 убитыхъ казаковъ Оренбургской сотни и 3 раненыхъ (*).

4-го января утромъ дивизионъ, за исключеніемъ 50 человекъ траншейнаго караула, ходилъ на фуражировку въ ближніе кичлаки.

Ночная вылазка текинцевъ 4 января застала меня въ передовыхъ траншеяхъ, куда я ходилъ, по возвращеніи съ фуражировки, съ докладомъ къ полковнику Куропаткину. Вылазка эта не была уже неожиданностью для нашихъ войскъ, потому что съ наблюдательныхъ нашихъ станцій, войска съ вечера были извѣщены о томъ, что текинцы спускаются со стѣнъ въ ровъ (**). Войска были по этому въ ожиданіи и, какъ только толпы кинулись изъ своего рва на 3 параллель и редуты, въ тотъ же моментъ попали подъ смертоносный огонь нашихъ войскъ. Текинцы были вездѣ отбиты блистательно и понесли громадныя потери. Въ этотъ день въ дивизионѣ 2 нижнихъ чина ранено и 1 контужень (***)

Ночью съ 5 на 6 января Уральской сотни сотникъ Кунаковсковъ, находясь въ траншейномъ караулѣ на Ширванскомъ редутѣ, измѣрилъ ровъ крѣпости, при чемъ ходилъ туда три раза. За этотъ подвигъ мнѣ велѣно было сей часъ же изготовить наградный листъ на Кунаковскова о награжденіи

(*) Въ томъ числѣ Уральск. сотни казакъ Сянильняковъ, раненый въ лагерь.

(**) Находившійся на наблюдательной станціи въ Охотничей калѣ нашъ казакъ Лукинъ замѣтилъ это первымъ и оповѣстилъ о томъ. За это Лукинъ получилъ знакъ военнаго ордена.

(***) Уральской сотни приказный Агафоновъ, оставшійся въ строю.

его орденомъ св. Георгія по статуту. Ходившіе съ нимъ охотниками 13 Турк. лин. баталіона унтеръ-офицеръ Константиновъ и казакъ Уральской сотни Сафронъ Тетиковъ получили тутъ же знаки военнаго ордена.

На основаніи добытыхъ свѣдѣній о разстояніи до рва нашихъ передовыхъ траншей и ширинѣ и глубинѣ этого рва начаты минныя работы утромъ же 6 января. Минный спускъ вырытъ во рву сапернаго редута, въ 24 саженьяхъ отъ главнаго вала крѣпости.

Вѣсть объ измѣреніи рва и заложеніи мины быстро разнеслась по лагерю. Всѣ, даже вовсе незнакомые офицеры Кавказскихъ войскъ, приходили лично поздравить и пожать руку сотнику Кунаковскому, какъ храброму офицеру, вполне достойному высшей военной награды—ордена св. Георгія.

Около полудня 6 января въ лагерѣ состоялся парадъ. По окончаніи молебствія и окропленіи знамени, генераль Скобелевъ, вызвавъ впередъ всѣхъ офицеровъ и, вставъ въ нашъ кругъ, высказалъ, что ему крайне больно, что въ отрядѣ явилось нѣкоторое малодушіе. «Я увѣренъ, господа, говорилъ генераль, что вы всѣ понимаете причину переноски лагеря подъ самыя стѣны крѣпости». При этомъ генераль разъяснилъ причину постановки имъ лагеря вплотную къ нашимъ передовымъ траншеямъ; но, конечно, мы всѣ сознавали рачіональность этой мѣры, видя наши потери при вылазкахъ 28 и 30 декабря, которыя были бы гораздо менѣе, если бы лагерь тогда былъ ближе къ траншейнымъ рабо-

тамъ. Такое удаленіе лагеря отъ траншей вредно дѣйствовало на моральное состояніе войскъ.

Съ 6 часовъ вечера этого дня начался страшный ураганъ; масса пыли летѣла на лагерь; на 5 шагахъ ничего не было видно. Ожидая, въ это удобное для текинцевъ время, ихъ вылазки, войска лагеря стояли все время подъ ружьемъ до глубокой ночи, когда буря стихла и начали посылаться кавалерійскіе разъѣзды.

Отъ трудовъ безъ отдыха и безъ сна, стоя въ ружьѣ на фасахъ, люди были возбуждены до болѣзненности. Малѣйшая промелькнувшая тѣнь, шорохъ собаки или лошади были достаточной причиною подозрѣнія о приближеніи непріятеля. Въ эту ночь нѣсколько лошадей торговцевъ—армянъ на базарчикѣ сорвалось съ коновязей. Росположенные рядомъ съ базарчикомъ драгуны и Кубанскіе казаки открыли пальбу. Пальба эта заразила и прочія войска, стоявшія на нашемъ фасѣ. Между тѣмъ отъ Уральской сотни было заложено въ эту ночь 10 человекъ въ секретѣ противъ этого фаса. Тотчасъ же я приказалъ бывшему при мнѣ сотнику Паленову пробѣжать по фасу и прекратить стрѣльбу. Пальба прекратилась; но одинъ изъ бывшихъ въ секретѣ—казакъ Кулагинъ былъ тяжело раненъ, отъ чего, спустя нѣсколько дней, и умеръ.

7 января утромъ я, по обыкновенію, пошелъ въ передовыя траншеи на повѣрку караула. Въ это время полковникъ Куропаткинъ, находясь на Ширванскомъ редутѣ, подалъ сигналъ «всѣ и отбой», при чемъ я узналъ, что генераль Скобелевъ приказалъ предложить текинцамъ перемиріе для уборки тѣлъ, лежавшихъ грудами передъ нашими пе-

редовыми траншеями. Лежавшія груды тѣлъ были послѣдствіемъ губительнаго огня нашихъ войскъ при вылазкѣ текинцевъ 4 января и начали уже разлагаться. Съ нашей стороны изъ бойницы Ширванскаго редута какой то туркменъ—юмудъ началъ кричать текинцамъ, предлагая перемиріе для уборки тѣлъ и объяснилъ, что у насъ для этого стрѣльба прекратилась. Текинцы тоже прекратили стрѣльбу, и по немногу, какъ они, такъ и мы начали выползать на вершины своихъ валовъ. Условились, чтобы съ каждой стороны вышло для переговоровъ по три человѣка. У нихъ вышли трое какихъ то батерей, съ нашей стороны вышли три офицера (подполковникъ Ямудскій, войсковой старшина Есиповъ и подпоручикъ Еникѣевъ), въ сопровожденіи трехъ солдатъ съ ружьями. Но текинцы закричали со стѣнъ, чтобы солдатъ съ ружьями вернули, что было исполнено. Текинскіе парламентары остановили нашихъ офицеровъ отъ себя въ 3 шагахъ и начали переговоры. Они наотрѣзъ отказались убирать тѣла, говоря, что мертвымъ все равно, гдѣ ни лежать. Эти парламентары выказали при этомъ свое знаніе распознавать наши чины по пагонамъ, отличивъ Ямудскаго и Есипова, какъ имѣющихъ большіе чины, нежели Еникѣевъ, котораго они называли кишкенте-тюря. т. е. маленькій, незначительный начальникъ. Выразили, что конвоировъ солдатъ вернули они потому, что солдаты были съ ружьями, чего при переговорахъ вовсе не нужно; высказали, что они знаютъ правила для нашихъ офицеровъ—ходить всегда съ пашками и револьверами, какъ и вышли къ нимъ наши офицеры, и что они на это

не въ претензиі, но что простой солдатъ можетъ быть и безъ ружья. На вопросъ, зачѣмъ они подвергаютъ опасности свои семейства въ крѣпости и не удаляютъ ихъ, текинцы отвѣтили, что семейства свои они вывезутъ, когда будетъ опасность, но что теперь опасности для себя они никакой еще не видятъ. При этомъ текинцы высказали, что они считаютъ себя подданными хивинскаго хана и потому удивляются, зачѣмъ русскіе пришли къ нимъ; слѣдовало бы, говорили они, обо всѣхъ текинскихъ дѣлахъ переговариваться съ этимъ ханомъ (*).

Между тѣмъ, во время этихъ переговоровъ, нѣкоторые изъ нашихъ офицеровъ, стоя на валахъ траншей, задавали разные вопросы текинцамъ. Тѣ сначала отвѣчали, но за тѣмъ закричали, что для всѣхъ переговоровъ вышли люди съ обѣихъ сторонъ и слѣдовательно имъ попусту разговаривать не нужно.

При началѣ переговоровъ и во все время веденія ихъ по стѣнѣ крѣпости ходили какіе то два текинца и предупреждали громко своихъ людей, что, если кто изъ нихъ выстрѣлитъ, то сей часъ же будетъ повѣшенъ. По окончаніи переговоровъ эти же текинцы закричали намъ, чтобы мы сходили съ своихъ валовъ, потому что они сей часъ будутъ стрѣлять.

Вообще, во время переговоровъ, текинцы держали себя съ большимъ достоинствомъ.

(*) Впослѣдствіи, при обратномъ походѣ, мы говорили объ этомъ Магъ-Мурату, хивинскому министру. Тотъ улыбнулся и отвѣчалъ: хороши подданные, что каждагодно дѣлали нападенія на наши земли.—Всѣ подробности переговоровъ сообщилъ мнѣ Оренбургскаго войска войсковой старшина Есиповъ, бывший въ числѣ нашихъ парламентаровъ.

Переговоры продолжались около часу, и за тѣмъ пальба закипѣла еще ожесточеннѣе.

8 января въ дивизионѣ ранено 3 ниж. чина (*).

9 января въ траншейномъ караулѣ убитъ Уральск. сотни казакъ Бирбей Чудановъ и раненъ 1 Оренб. казакъ.

10 января въ лагерѣ раненъ Уральск. сотни казакъ Домашневъ.

11 января въ траншейномъ караулѣ тяжело раненъ казакъ Джалдыбаковъ, только что получившій георгиевскій крестъ за отличие 23 декабря. Джалдыбаковъ отъ этой раны умеръ.

Вечеромъ 11 января въ лагерѣ былъ молебень, и объявлена диспозиція штурма на 12 января. Отъ дивизиона приказано было назначить: на штурмъ 100 нижн. чиновъ пѣшкомъ въ колонну полк. Куропаткина и двѣ конныя полусотни—для занятія право-фланговой и Ольгинской калы. Вслѣдствіе этого вечеромъ же 11 января Уральская полусотня съ сот. Второвымъ ушла въ право-фланговую калу, а Оренбургская полусотня съ сотник. Колотинскимъ въ Ольгинскую калу. Ракетный взводъ въ пѣшемъ строю назначенъ былъ идти на штурмъ съ 3 баталіономъ Ширванскаго полка.

Начались приготовленія къ штурму. Эта ночь была послѣднею для многихъ.

По общей диспозиціи, отданной на 12 января, войска для штурма были раздѣлены на три колонны и общій резервъ. 1-я правая колонна—полк. Куропаткина, состоявшая изъ 10¹/₂ ротъ, спѣшенной сотни Оренбургско-Уральскаго дивизиона и 6

(*) Два казака Уральской сотни: Вислій Коноваловъ и Иванъ Сарминъ. Послѣдній умеръ отъ раны.

орудій, должна была штурмовать стѣну у обвала, котодый долженъ былъ образоваться послѣ взрыва мины.

2-я лѣвая колонна—полк. Козелкова, состоявшая изъ 8^{1/2} ротъ при трехъ орудіяхъ должна была въ то же время, какъ и 1-я, штурмовать пробитую въ стѣнѣ артиллерійскую брешь, лѣвѣе отъ насъ сажень на 150.

Сигналомъ для начатія штурма этими двумя колоннами долженъ былъ служить взрывъ мины, противъ нашей—1-й колонны.

3-я колонна—подполковника Гайдарова, изъ 4^{1/2} ротъ, 1^{1/2} сотни Кубанскихъ казаковъ и 5 орудій имѣла демонстративную цѣль. Она должна была начинать свои дѣйствія раньше насъ, съ самаго утра, съ западной стороны крѣпости, и только при успѣхѣ первыхъ двухъ колоннъ, должна была тоже идти на штурмъ отъ Мельничной калы.

Въ общемъ резервѣ, подъ начальствомъ самаго командующаго войсками, было 21 рота и 24 орудія.

Гарнизонами въ разныхъ калахъ и редутахъ оставались 3 роты и двѣ сотни казаковъ при 26 орудіяхъ.

Въ лагерѣ оставались деньщики и другія нестроевыя команды при одной сотнѣ Оренбургскаго № 5 полка.

Къ 7 часамъ утра спѣшенная сотня дивизиона прибыла въ Великокняжескую калу, гдѣ полк. Куропаткинъ объявилъ частную диспозицію по своей колоннѣ.

По этой диспозиціи наша сотня сейчасъ-же должна была занять передовую саперную траншею и

саперный редуть и окарауливать ихъ до взрыва мины. На время взрыва мы должны были отойти назадъ къ Охотничьей калѣ. Послѣ взрыва сотня должна была снова быстро занять саперные редуть и траншею, и открывъ огонь по стѣнѣ, прикрывать тѣмъ штурмующія войска. Оставаясь тутъ въ резервѣ, сотня должна была идти впередъ, когда *послѣдуетъ на это приказаніе полк. Куропаткина.*

3-й баталіонъ ширванцевъ и рота охотниковъ должны были идти на штурмъ въ головѣ колонны, а за ними во 2 линіи должны были слѣдовать двѣ роты 13 Туркест. лин. баталіона.

Я получилъ назначеніе командовать резервомъ штурмовой колонны. Въ резервѣ этотъ входили: слѣшанная сотня дивизіона, 3 рота 5-го Тур. лин. баталіона, 1, 2 и 12 роты Шерванскаго полка, одно горное орудіе и 8 мортиръ.

Резервъ этотъ, занимая наши передовые редуты и траншеи, долженъ былъ охранять правый флангъ и тылъ своей штурмовой колонны.

Въ 7¹/₂ часовъ мы уже расположились на назначенныхъ мѣстахъ. Уральцы занимали саперный редуть, откуда ведена была минная галлерей; оренбургцы—были на самой минѣ, въ головной траншеѣ. Отсюда до крѣпостной стѣны было не болѣе 15 сажень.

Въ колоннѣ подполковника Гайдарова съ раннего утра слышалась кононада и ружейная трескотня. Въ 7¹/₂ часовъ наша артиллерія со всѣхъ батарей, противъ юго-восточнаго фронта крѣпости, открыла огонь по бреши въ стѣнѣ (противъ колонны полк.

Козелкова) и по внутренности Геокъ-Тепе. Непрiятель отвѣчалъ весьма энергично изъ своихъ трехъ орудiй и пускалъ цѣлые снопы пуль изъ бойницъ въ стѣны. Вся эта масса чугуна и свинца, какъ съ нашей стороны, такъ и изъ крѣпости летѣла надъ траншеями.

Пальба разгоралась все болѣе и болѣе. За полчаса до взрыва мины, пальба дошла до высшей степени, при чемъ иногда наши же осколки гранатъ летѣли въ занимаемыя нами головныя траншеи. Такъ одинъ осколокъ, впрочемъ на излетѣ, попалъ въ ногу сотн. Кунаковскому; но этотъ храбрый офицеръ не пожелалъ идти на перевязычный пунктъ.

Находившiйся недалеко отъ насъ Туркестанскiй горный взводъ также стрѣлялъ учащено. Командиръ его, нашъ добрый товарищъ—штабсъ-капитанъ Грекъ—весь отдался своему дѣлу. Звонкая его команда „первое“, „второе“—раздавалось отчетливо среди гула выстрѣловъ, свиста пуль, шума и треска лопающихся гранатъ. Желая прослѣдить полетъ своихъ снарядовъ, Грекъ только что вскочилъ на банкетъ, какъ непрiятельская пуля попала ему прямо въ глазъ и пронизала голову. Бездыханное тѣло этого храбраго офицера свалилось въ траншею.

По нашей траншеи то и дѣло сновали взадъ и впередъ саперные и инженерные офицеры. Скоро они протянули проводъ и сказали намъ, что все готово для взрыва. Въ 11 часовъ намъ было приказано очистить траншеи и идти скорѣе назадъ къ Охотничей калѣ. Сотня была поставлена въ самой калѣ, у гальваническаго аппарата. Инженерные

офицеры Рутковскій и Масловъ смотрѣли на часы, «Ну, казачки, сказала Масловъ стоявшей сотнѣ, вотъ черезъ 40 секундъ взорвемъ стѣну». Настало томительное ожиданіе... Полагали, что будетъ страшно оглушительный громъ. Но вотъ, среди артиллерійской кононады, раздался особенный какой то подземный глухой ударъ, земля подъ ногами заколебалась, и громадныя глыбы стѣны, поднялись къ небу. Нѣкоторые видѣли, въ этой земляной массѣ взлетѣвшихъ людей...

Пальба артиллеріи внезапно смолкла. Нѣсколько секундъ была тишина. Но вотъ раздался барабанный «бой къ атакѣ», музыка ударила какой то захватскій маршъ и ширванцы ринулись на штурмъ. Кругомъ загремѣло «ура». Мы побѣжали занимать опять головныя траншеи, которыя послѣ взрыва были не узнаваемы.

Разставляя Оренбургскую полусотню, открывшую тутъ же огонь, я вдругъ увидаль, что Уральская полусотня побѣгла къ стѣнѣ почти вслѣдъ за ширванцами и опередила Туркестанскія роты (*). Схвативъ лично за подолъ шинели урядника Ерина, и 3—4 казаковъ, тоже выскакивавшихъ изъ траншеи и хотѣвшихъ бѣжать за своими, я увидаль, что этимъ дѣлу не поможешь. Стоявшія въ резервѣ три роты ширванцевъ занялись обстрѣливаніемъ стѣны вправо отъ штурмовавшихъ войскъ, и 2-я рота этого полка, направлена была на штурмъ 2-го

(*) Внезапный порывъ на штурмъ, командиръ сотни войск. старшина Бородинъ объяснилъ тѣмъ, что вскочившіе на обвалъ ширванцы и охотники кричали будто бы нашимъ казакамъ: «что же вы братцы—уральцы не помогаете намъ». Этихъ словъ было достаточно, и полусотня ринулась тоже на стѣну крѣпости.

траверса, изъ-за котораго текинцы, анфиладнымъ огнемъ поражали наши войска, вскочившія на обвалъ стѣны. Приказавъ полусотнѣ оренбургцевъ идти на обвалъ, когда войдутъ туда Туркестанскія роты, я побѣжалъ самъ на обвалъ стѣны. Все описанное мною происходило въ продолженіе не болѣе 5 минутъ времени послѣ взрыва. На обвалѣ шла сильная перепалка: текинцы стрѣляли изъ-за кибитокъ; охотники, ширванцы и уральцы, стоя на валу, кричали «ура» и, стрѣляя, распространялись вправо и влево по стѣнѣ. Саперы наскоро дѣлали изъ принесенныхъ туровъ брустверъ. На самомъ обвалѣ лежали два трупа офицеровъ и нѣсколько нижнихъ чиновъ. Лицо одного убитаго офицера было закрыто уральской фуражкой. Я снялъ фуражку съ лица этого офицера и увидаль, что убитъ Кунаковскій; другой убитый офицеръ былъ (кавказскій)—прапорщикъ Морицъ, котораго я зналъ какъ хорошаго танцора лезгинки. Кругомъ стонало десятка два раненыхъ; но стоны ихъ заглушали крики сражавшихся, игравшая тутъ же на обвалѣ музыка и пальба. Я приказаль снести трупы убитыхъ съ вала внизъ и, замѣтивъ прибѣжавшаго въ это время на валъ полк. Куропаткина, явился къ нему, объяснивъ, какъ попали сюда уральцы. «Видѣль, что дѣлать—очень горячій народъ», сказалъ начальникъ колонны. «Все идетъ пока прекрасно, пусть они будутъ тутъ», добавилъ онъ. Но въ это время наши казаки, спустясь съ обвала, устремились опять впередъ, внутрь крѣпости. Я побѣжалъ догонять ихъ, и при помощи войск. старш. Бородина мнѣ удалось остановить полусотню. Въ это

время слѣва отъ колонны полк. Козелкова прибѣгло нѣсколько солдатъ 3-го баталіона Самурскаго полка, и въ экстазѣ отъ видимой уже побѣды, громко кричали: «пойдемте казаки впередъ: чего стоять тутъ». Отгнавъ ихъ къ своему баталіону, я послалъ одного приказнаго за дальнѣйшими приказаніями къ полк. Куропаткину, бывшему еще на стѣнѣ.

Такимъ образомъ Уральская полусотня, была первою внутри крѣпости.

Вскорѣ 3-й Ширванскій баталіонъ и Туркестанскія роты, спустившись съ обвала, тоже пошли между кибитками внутри крѣпости. Прибѣжавшіе оренбургцы пристроились къ уральцамъ.

Въ это время вошла въ крѣпость и 2-я штурмовая колонна полк. Козелкова.

Непріятель уже дрогнулъ, и толпы его всѣ стремились къ холму Денгиль-Тепе. Наиболе храбрые сохраняли при этомъ свое достоинство, и отступали отстрѣливаясь; многіе просто бѣжали безъ оглядки.

Полк. Куропаткинъ направилъ 3-й Ширванскій баталіонъ прямо на холмъ Денгиль-Тепе; а Туркестанскія роты были направлены къ западной стѣнѣ крѣпости. За ротами велѣно было двигаться и мнѣ съ снѣженной казачьей сотней дивизіона.

Множество женщинъ испуганно, съ выпученными отъ страха глазами, страшно выли, прося пощады. Къ чести нашихъ войскъ нужно отнести, что какъ ни было велико озлобленіе, все же небыло случая, чтобы кто-либо, въ пылу опьяняющаго вида крови, убилъ женщину. Послѣ взятія, крѣпости, находили трупы женщинъ, и дѣтей; но это были несчастныя жертвы артиллерійскаго и ружейнаго огня. Солда-

ты и казаки, идя между кибитокъ, освобождали плѣнныхъ персіанъ, томившихся у текинцевъ въ цѣпяхъ въ ямахъ. Нѣкоторые изъ текинцевъ, застигнутые въ распахъ въ кибиткахъ, хотѣли разыграть роль плѣнныхъ: надѣвали на скоро цѣпи и жалобно выли. Но хитрецовъ выдавала бритая голова (*).

Достигнувъ западной стѣны, мы пошли вдоль ее тоже на холмъ Денгиль-Тепе. Въ это время на священномъ текинскомъ холмѣ уже играла музыка, и гордо развевалось знамя, 3-го б-на ширванцевъ. Вскорѣ на мѣсто знамени былъ водруженъ здѣсь, Императорскій штандартъ.

У непріятеля въ это время была полная паника. Рѣдко, рѣдко гдѣ встрѣчалось сопротивленіе. Женщины, уже увѣренныя въ своей неприкосновенности, глядѣли нѣсколько спокойнѣе, когда проходили мимо нихъ наши войска. Мужчины, вѣроятно, не надѣясь на наше великодушіе, прибѣгали къ разнымъ хитростямъ, завертываясь въ кошмы, и ковры, или прячась въ глубокихъ ямахъ, вырытыхъ ими для защиты отъ нашихъ бомбардировокъ. Но были случаи, что отчаянные изъ нихъ, даже въ одиночку, бросались на нашихъ солдатъ и казаковъ, желая дорого продать свою жизнь. Такъ въ ротѣ 5-го Турк. лин. б-на два солдата были изрублены во фронтѣ двумя текинцами, бросившимися внезапно, только вдвоемъ, изъ одной кибитки на цѣлую роту. У насъ тоже былъ подобный случай: одинъ текинецъ загородилъ собой потерну въ западной стѣнѣ и не пускалъ сотню; ранилъ казака

(*) Персіане, какъ шиты, голосъ на головѣ не брѣютъ.

Щапова и только через труп этого фанатика-текинца мы могли пройти через потерну изъ крѣпости наружу.

Обйдя всю западную и часть сѣверной стѣны крѣпости, наша сотня расположилась у сѣверныхъ воротъ.

Было около 3¹/₂ часовъ пополудни.

У сѣверныхъ воротъ къ намъ, присоединился нашъ ракетный взводъ.

Драгуны, кубанцы, наша конная полусотня и часть пѣхоты, преслѣдовали бѣжавшихъ текинцевъ въ пески.

Геокъ-Тепе была взята. Начались взаимныя поздравленія съ успѣхомъ.

Вскорѣ намъ было приказано идти, къ Охотничьей калѣ и забрать своихъ убитыхъ въ крѣпости.

У Охотничьей калы къ намъ подѣхалъ генераль Скобелевъ, возвратившійся съ преслѣдованія текинцевъ и горячо поблагодарилъ, за храбрость и мужество.

Здѣсь же подѣхалъ полк. Куропаткинъ и, по-благодаривъ казаковъ вообще, уральцамъ добавилъ слѣдующее: «Зная вашу храбрость, и потерю до штурма, я желалъ побережь васъ и, потому назначилъ васъ при штурмѣ въ резервъ. Но вы угодили въ опасность по своей охотѣ. Еще разъ спасибо за храбрость, братцы—уральцы, но искренно сожалѣю, объ убитыхъ и раненыхъ, вашихъ товарищахъ».

Часовъ въ 5¹/₂ мы вернулись въ свой лагерь.

Въ этотъ день потеря дивизіона была слѣдующая: въ Уральской сотнѣ убиты сотникъ Кунаков-

сковъ (*) и казаки Сафронъ Тетиковъ и, Дмитрій Жагулинъ. Ранены казаки: Калининъ, Повольновъ, Щаповъ, Красновъ, Курилинъ и Осипъ Соболевъ (умершій отъ раны). Въ ракетномъ взводѣ—2 казака убито и 2 нижн. чина ранено. Въ Оренбургской сотнѣ потери не было.

Вообще же на штурмѣ 12 января выбыло изъ строя: убитыми 4 офицера и 55 нижн. чиновъ, ранеными 18 офиц. (изъ которыхъ 5 скоро умерло) и 236 нижн. чиновъ, контужено 10 офиц. и 75 ниж. чиновъ.

Утромъ 13 января у насъ въ лагерѣ было что то въ родѣ Св. Пасхи. У всѣхъ на лицахъ была написана радость; кончились тревожные дни и, ночи; не было слышно ни свиста пуль, ни кононады. Можно было безъ всякой опасности прогуливаться по лагерю и, по прямой дорогѣ пройти въ передовые наши редуты. Къ тому же и день былъ прекрасный: солнце свѣтило ярко и было до 14⁰/ тепла.

Въ 12 часовъ внутри крѣпости состоялся парадъ. Послѣ благодарственнаго молебна, генералъ Скобелевъ еще разъ поблагодарилъ войска и, пропустилъ церемониальнымъ маршемъ. При прохожденіи Уральской сотни, генералъ сказалъ полк. Куропаткину: «а уральцы успѣли уже нарядиться щеголями», и еще разъ выразилъ свою благодарность. Сотня дѣйствительно была одѣта очень щеголевато: въ новыхъ рубашкахъ и новыхъ малиновыхъ чамбарахъ; сапоги также были у насъ новые, только-что выну-

(*) Сотникъ Кунаковскій убитъ въ то время, какъ Уральская полусотня вскопчила на обвалъ. Двѣ пули въ грудь, изъ которыхъ одна прямо въ сердце, сразили этого храброго молодого офицера. Тетиковъ и Жагулинъ убиты немного позже, но тутъ же на обвалѣ.

тые изъ чемодановъ. Предъ остальными войсками все это бросалось въ глаза.

Послѣ парада я былъ у нашихъ раненыхъ. Смертельно раненые казаки Сарминъ, Джалдыбаковъ и Соболевъ лежали покойно, въ полной памяти, не издавая даже стоновъ. Сарминъ, раненый въ голову съ поврежденіемъ позга, кажется, сознавалъ свое положеніе и сказалъ мнѣ: «жаль, в. в., мало послужилъ Царю». Джалдыбаковъ сказалъ, «что у него въ роднѣ никого не было на службѣ въ строю. Вотъ, говорилъ онъ, мнѣ одному Богъ привелъ послужить и заслужить даже Егорій». Соболевъ, на высказанное мною сожаленіе объ его ранѣ, отвѣчалъ: «кому нибудь, в. в., нужно быть и убитымъ, кому и раненымъ. За то мы вонъ какую крѣпость взяли», и лицо его сіяло отъ удовольствія; возлѣ него лежалъ, только что выданный ему, новенькій георгиевскій крестъ. Бывшій тутъ врачъ сказалъ мнѣ при выходѣ изъ лазарета, что казаки наши сущіе атлеты по сложенію; а потому весьма жаль, сказалъ онъ, что они долго промучатся. Раны же ихъ безусловно смертельны, добавилъ врачъ.

Кругомъ слышенъ былъ стонъ. На меня въ особенности произвелъ впечатленіе одинъ молодой солдатикъ, Дагестанскаго полка, раненый въ чашечку колѣна ноги. Онъ кричалъ и плакалъ, какъ ребенокъ, отъ жгучей боли. Воздухъ шатровъ былъ пропитанъ запахомъ крови. Да, ужасно видѣть эту изнанку войны!..

Вечеромъ мы хоронили своихъ убитыхъ. Тѣла нашихъ туркестанскихъ офицеровъ—Грека и Куна-

ковскова мы завернули въ ковры; отрядный іеромонахъ о. Афанасій отслужилъ погребеніе, и подъ звуки штурмовыхъ маршей (*) они были закрыты въ нашей траншеѣ, близъ Великокняжеской калы. При опусканіи праха ихъ въ траншею, стоявшія въ строю рота, и полусотня казаковъ сдѣлали три залпа; а съ находившейся вблизи батареи, въ память убитаго нашего товарища—артиллериста Грека, былъ презведенъ бѣглый артиллерійскій огонь.

Тѣла всѣхъ убитыхъ нижнихъ чиновъ были похоронены въ той же траншеѣ, съ подобающимъ христіанскимъ погребеніемъ и съ отданіемъ послѣдней воинской почести.

Къ чести нашихъ казаковъ, нужно отнести, что многіе изъ нихъ гнушались такъ, называемой барантой, хотя она и не преслѣдовалась.

Въ 1868 году подъ Самаркандомъ и въ 1873 г. въ Хивѣ, я видѣлъ не то. Отрадное это явленіе можно единственно только отнести, къ тому, что здѣсь народъ былъ нравственно неиспорченный, люди въ первый разъ на службѣ, не заглушившіе въ себѣ зачатки домашняго воспитанія. Не то было прежде, когда казаки на службѣ были всѣ одни и тѣ-же „мотавшіеся изъ службы въ службу,“ не имѣвшіе въ войскѣ иногда „ни кола ни двора,“ — народъ, что называется отпѣтый. Здѣсь, подъ Геогъ-Тепе, казаки бывшіе въ первый разъ на службѣ были, проникнуты долгомъ службы; они были люди нравственно развитые. Тогда же служили по необходимости, потому что дома, по приоб-

(*) При похоронахъ всѣхъ убитыхъ игрались всегда обыкновенные марши, чтобы похороннымъ маршемъ не тревожить раненыхъ.

рѣтенной на службѣ лѣни и отвыку отъ хозяйства, служивый казакъ ни къ чему не могъ приложить рукъ (*). Пьянство, развратъ и неуваженіе чужой собственности были отличительными свойствами прежнихъ служакъ. Конечно и теперь еще много въ рядахъ нашихъ этихъ *орловъ*; но все-же новый элементъ понемногу вытѣсняетъ ихъ.

12 января, когда мы шли по внутренности крѣпости, ни одинъ казакъ не взялъ ни одной вещи. При этомъ наши казаки даже укоряли отстававшихъ отъ своихъ частей солдатъ, которые шныряли по кибиткамъ, ища добычи. «Что развѣ для этого мы, братцы, сражаемся», говорили они этимъ мародерамъ.

15 января полковникъ Куропаткинъ съ вновь сформированнымъ Асхабадскимъ отрядомъ (силою въ 2000 чел.) выступилъ для занятія гор. Асхабада. Нашъ дивизионъ входилъ въ составъ этого отряда. Мы шли вдоль хребта Копеть-Дага въ глубь текинскаго оазиса. Всѣ встрѣчавшіеся кишлаки были пусты.

18 января мы пришли въ гор. Асхабадъ, который также былъ совершенно очищенъ жителями.

Приѣхавшій сюда генераль Скобелевъ произвелъ здѣсь парадъ, на которомъ собственноручно пожаловалъ наиболѣе отличившимся нижнимъ чинамъ знаки Военнаго Ордена.

21 января отрядъ выступилъ изъ Асхабада въ сѣверно-западномъ направленіи въ пески. Въ это

(*) Какъ извѣстно въ Уральскомъ войскѣ служба отбывается наемкой охотниковъ. Въ настоящее время кромѣ охотниковъ въ строевыя части обязательно записываются тѣ молодые казаки, которые не были еще на службѣ, и наемъ охотниковъ ограниченъ только полевымъ разрядомъ казаковъ.

время текинцамъ уже посланы были прокламаціи отъ генерала Скобелева съ предложеніемъ покорности; но не опаматовавшіеся еще отъ нанесеннаго имъ погрома, текинцы все еще медлили и, вѣроятно, не довѣряли намъ.

21 января Асхабадскій отрядъ ночевалъ у кишлака Изгентъ. Сюда явилось нѣсколько десятковъ текинцевъ, отдавшихся на великодушіе побѣдителей.

22 января съ отрядомъ изъ 4 сотенъ казаковъ при двухъ ракетныхъ станкахъ, я былъ командированъ въ пески къ колодцу Назаръ-куль (*).

По распроснымъ свѣдѣніямъ полковникъ Куропаткинъ предполагалъ разстояніе до него не болѣе 15—20 верстъ, и потому мнѣ приказано было вернуться обратно въ тотъ же день. Цѣль этого движенія состояла въ томъ, чтобы захватить врасплохъ находившихся на Назаръ-кулѣ текинцевъ и, если можно, отобрать у нихъ оружіе. Проводниками со мной посланы 2 текинца изъ вновь сдавшихся. Эти патріоты никакъ не хотѣли, чтобы отрядъ пришолъ внезапно на Назаръ-куль и водили меня разными зигзагами (**). Кое-какими позволительными, въ такихъ случаяхъ, мѣрами, я заставилъ этихъ проводниковъ вести какъ слѣдуетъ, и скоро мы, выйдя на какой то колодець, захватили кочевку, около 25 семействъ съ

(*) Кромѣ Туркестанскаго своднаго дивизиона были: 3-я сотня Таманскаго и 5-я сотня Лабинскаго полковъ, Кубанскаго казачьяго войска.

(**) Послѣ оказалось, что на Назаръ-Куль въ то время былъ извѣстный предводитель текинцевъ Такма-Сардаръ, не ожидавшій, вѣроятно, себя пощады. Когда мы пришли на Назаръ-куль, Такма-Сардаръ успѣлъ скрыться. Впослѣдствіи онъ сдался генералу Скобелеву, былъ въ Петербургѣ, гдѣ имѣлъ счастье быть представленнымъ Государю Императору и пожалованъ чиномъ майора.

мужчинами. Они уходили въ Мервъ. Взявъ изъ нихъ еще 2-хъ проводниковъ, я остальнымъ выдалъ охранный листъ и направилъ ихъ на Изгентъ. Наступалъ уже вечеръ; а колодцы Назаръ-куль, по вновь добытымъ свѣдѣнiямъ, были еще очень далеко. Одинъ изъ вновь мною взятыхъ проводниковъ повелъ отрядъ, другой же успѣлъ (при движенiи ночью) скрыться. Вскорѣ авангардъ еще захватилъ врасплохъ 4 текинцевъ. Раздавъ ихъ по одному на каждую сотню, я приказалъ, чтобы они повѣряли моего проводника. Послѣднему же было объявлено, что онъ будетъ сейчасъ же убитъ, если сдѣлаетъ малѣйшее уклоненiе отъ пути на Назаръ-куль. Мы шли ускореннымъ шагомъ, и наконецъ въ 11^{1/2} часовъ ночи, соблюдая всевозможную тишину, приблизились къ Назаръ-кулу. Окруживъ сидѣвшiе здѣсь аулы, я потребовалъ выдачи оружiя. Текинцы безпрекословно выдали около 200 ружей, много пашекъ, кинжаловъ и проч. Замѣчально, что ружья всѣ были заряжены.

Со мной было два чабара изъ туркменъ iомудовъ, и одного изъ нихъ я въ эту же ночь послалъ съ донесенiемъ къ полковнику Куропаткину. Но чабаръ этотъ, какъ оказалось въ послѣдствiи, побоявшись ѣхать, ночевалъ вблизи отряда и утромъ поѣхалъ, держась тоже поближе къ намъ, когда мы пошли обратно. Между тѣмъ полковникъ Куропаткинъ, недождавшись моего возвращенiя къ вечеру 22 числа и потомъ къ слѣдующему утру, началъ сильно беспокоиться и, около полудня, взявъ эскадронъ драгунъ, выступилъ самъ по направлению на Назаръ-куль. На дорогѣ онъ получилъ вто-

Рую мою записку, отправленную уже съ 2-мя текинцами и, узнавъ подробности, повернулъ обратно.

Мы вернулись въ Изгентъ ночью 23 января, не заставъ полковника Куропаткина, выступившаго съ частию отряда въ Куня-Геокъ-Тепе.

По измѣренію бывшаго со мной топографскаго офицера, разстояніе отъ Изгента, до Назарь-кула, вмѣсто 20 верстѣ, оказалось въ 70 верстѣ. Слѣдовательно въ два дня мы сдѣлали 140 верстѣ по пескамъ.

При этомъ форсированномъ маршѣ въ сводномъ дивизионѣ пало 17 лошадей. Лишившіеся своихъ лошадей казаки были посажены на текинскихъ лошадей, которыя были взяты на Назарь-кулѣ и впоследствии возвращены своимъ хозяевамъ.

Результатомъ этого набѣга было то, что около 600 кибитокъ изъявили покорность, выдавъ мнѣ заложниковъ.

Въ Изгентѣ я получилъ отъ полк. Куропаткина записку, въ которой онъ, благодаря за успѣхъ набѣга, приказывалъ мнѣ идти къ нему въ Куня-Геокъ-Тепе со всѣми 4-мя сотнями. Сдавъ коменданту Изгента, майору Савинису текинское оружіе, я выступилъ отсюда утромъ 24 января и въ тотъ же день прибылъ въ Куня-Геокъ-Тепе. (Старая Геокъ-Тепе, верстахъ въ 15 отъ взятой нами крѣпости—Геокъ-Тепе).

Встрѣживъ отрядъ, полковникъ Куропаткинъ горячо поблагодарилъ сотни за лихой набѣгъ на Назарь-кулѣ.

25 января полковникъ Куропаткинъ съ отрядомъ изъ 7 ротъ, 2 орудій и 3 сотенъ казаковъ, самъ

выступилъ въ пески на колодцы Малекъ, Алешъ и далѣе, гдѣ тоже находились текинцы. Въ составъ этого отряда отъ дивизіона было выбрано 120 нижнихъ чиновъ, наиболѣе доброконныхъ, подъ начальствомъ войсковаго старшины Бородина.

Лично я получилъ назначеніе командовать резервомъ колонны полковника Куроцаткина. Въ составъ резерва вошли: рота 13 Туркестанскаго линейнаго баталіона, двѣ роты Апшеронскаго и Самурскаго пѣхотныхъ полковъ, сотня Таманскаго полка и оставшіеся люди своднаго дивизіона. По данной инструкціи, я долженъ былъ стоять съ резервомъ въ Куня-Геокъ-Тепе и, въ случаѣ опасности для ушедшей въ пески колонны, тотчасъ-же двинуться къ ней на помощь.

Эта стоянка въ Куня-Геокъ-Тепе, съ 25 по 31 января, была хуже всякаго похода. Во всѣ эти дни лили дожди и было довольно холодно. Между тѣмъ войска резерва были на легкѣ, оставивъ всѣ свои тяжести еще въ Асхабадѣ. Въ первые два дня люди, не исключая и офицеровъ, бивуакировали на открытомъ воздухѣ. Начались болѣзни; а между тѣмъ въ воздухѣ ощущался запахъ гнющихъ труповъ. Куня-Геокъ-Тепе была на дорогѣ, по которой бѣгли въ пески 12 января массы текинцевъ, преслѣдуемыхъ нашими войсками. На всемъ 15-ти-верстномъ протяженіи, отъ Геокъ-Тепе до нашей стоянки, по умѣренному вычисленію, лежало до 2000 незарытыхъ труповъ. Каждодневно я позывалъ изъ частей резерва рабочихъ зарывать убитыхъ, и еле наконецъ очистили эту страшную дорогу.

Командантъ Геокъ-Тепе—полковникъ Арцышев-

скій постъ долгихъ споровъ со мной о неприкосновенности находившихся у него текинскихъ кибитокъ, наконецъ исполнилъ мое законное требованіе и выдалъ на резервъ около 50 кибитокъ. Жить стало сноснае. Туркестанскіе солдаты устроили изъ одного текинскаго мавзолея въ Куня-Геокъ-Тепе очень хорошую русскую баню. Въ этой банѣ обмылись впоследствии и войска полковника Куропаткина по возвращеніи изъ песковъ.

Ежедневно я получалъ свѣдѣнія о положеніи колонны полковника Куропаткина и сообщалъ, что было нужно, коменданту Геокъ-Тепе.

Посылаемые отъ резерва развѣзды привозили почти ежедневно текинское оружіе, отбираемое отъ встрѣчавшихся прежнихъ непріятелей. Согласно инструкціи, все это оружіе отсылалось мною въ Геокъ-Тепе.

Результаты движенія въ пески полковника Куропаткина мы видѣли каждыйдневно: большіе караваны текинцевъ шли черезъ нашу стоянку въ Геокъ-Тепе. Всѣ они уже изъявили покорность и тянулись въ свое родное гнѣздо на свиданіе съ своими женами (*).

30 января я получилъ приказаніе послать въ Асхабадъ за тяжестями Туркестанскаго отряда роты пѣхоты и взводъ казаковъ, «такъ-какъ, сказано въ предписаніи, Туркестанскій отрядъ надлежитъ долженъ слѣдовать въ предѣлы своего округа».

31 января возвратился съ отрядомъ полковникъ Куропаткинъ, украшенный Георгіемъ 3-й степени,

(*) Всѣхъ женщинъ въ Геокъ-Тепе подъ присмотромъ коменданта—полковника Арцышевскаго было до 8 тысячъ.

который был пожалованъ ему за штурмъ и препровожденъ къ нему въ пески.

Начались сборы въ обратный походъ.

7 февраля Туркестанскій отрядъ подъ моимъ начальствомъ двинулся въ обратный путь изъ Куня-Геокъ-Тепе на Бами. Полк. Куропаткинъ поѣхалъ впередъ въ Бами для свиданія съ генераломъ Скобелевымъ. 10 февраля у крѣпости Арчманъ намъ встрѣтился генералъ Скобелевъ, ѣхавшій въ Асхабадъ вмѣстѣ съ начальникомъ штаба Кавказской арміи—генераломъ Павловымъ. Поздравивъ съ возвращеніемъ домой, генералъ Скобелевъ пропустилъ отрядъ церемоніаломъ повзводно и каждую часть благодарилъ за службу. При этомъ генералъ Скобелевъ представилъ меня генералу Павлову, сказавъ, что я служилъ у него въ дивизионѣ во время Хивинскаго похода (*). Прощаясь со мной, генералъ Скобелевъ поручилъ кланяться въ Туркестанъ и на Уралъ всѣмъ, «кто его помнитъ».

12 февраля Туркестанскій отрядъ двинулся въ Бами, гдѣ полк. Куропаткинъ хлопоталъ уже о перевозочныхъ средствахъ для отряда. Во время военныхъ дѣйствій верблюды нашего отряда были все время въ работѣ и сильно исхудали; верблюды же Мякинкова и Громова были еще хуже нашихъ. По этому полк. Куропаткинъ былъ нанята часть текинскихъ верблюдовъ.

Дивизионъ получилъ по 130 верблюдовъ на сотню. Изъ нихъ небольшая часть была изъ текин-

(*) Въ 1873 году подъ Хивой, будучи тогда подполковникомъ, М. Д. Скобелевъ командовалъ авангарднымъ казачьимъ дивизиономъ. Въѣренная мнѣ сотня состояла въ составѣ авангарда часто и была въ 3 дѣлахъ подъ начальствомъ подполковника Скобелева.

скихъ; остальные—такъ называемые «казенные». Вотъ эти то казенные верблюды и были очень жалки.

14 февраля мы окончательно простились съ нашими товарищами—кавказцами и вошли опять въ Туркменскую пустыню, слѣдуя по старой дорогѣ.

Отпуская Туркестанскій отрядъ въ свой округъ, генераль Скобелевъ отдалъ слѣдующій приказъ по войскамъ Закаспійскаго края, за № 67:

«Послѣ неимовѣрныхъ трудностей, почти неисполнимаго перехода, Туркестанскій отрядъ прибылъ въ предѣлы Ахаль-Текинскаго оазиса въ полной боевой готовности и предъ открытіемъ военныхъ дѣйствій вступилъ въ составъ ввѣренныхъ мнѣ войскъ.

«Въ наступательномъ движеніи къ Геокъ-Тепе и далѣе къ Асхабаду, а также въ бояхъ во кругъ Геокъ-Тепе, при осадѣ и штурмѣ этой крѣпости, быстро сроднившись сердцемъ съ боевыми товарищами—кавказцами, туркестанцы на дѣлѣ доказали, что они тѣ-же молодцы, какими я ихъ зналъ во время моей службы въ Средней Азійи.

«Послѣ первыхъ боевъ съ неприятелемъ я узналъ родной фронтъ, узналъ тѣ боевыя снаровки, тотъ порядокъ, какіе привыкъ видѣть подѣ Хивою, Махрамомъ, Наманганомъ, Андижаномъ, Балакчами и на снѣжныхъ вершинахъ Памира.

«Въ трудный день 12 января горсть удалыхъ Туркестанскихъ войскъ вновь вписала славную страницу въ скрижали нашихъ средне-азіатскихъ войнъ.

«Разставаясь нынѣ съ дорогими сердцу Турке-

станскими войсками, благословляю ихъ въ дальній и небезопасный путь. Увѣренъ, что и грозная пустыня имъ опять окажется по плечу.

«Благодарю всѣхъ гг. офицеровъ и нижнихъ чиновъ за честное исполненіе долга и присяги службы. Благодарю въ особенности начальника Туркестанскаго отряда, полковника Куропаткина. Съ нимъ судьба породнила меня боевымъ братствомъ со второго штурма Андиджана, въ траншеяхъ Плевны и на вершинахъ Балканскихъ, и нынѣ въ дни тяжелыхъ боевъ подъ Геокъ-Тепе».

Обратный походъ былъ очень тяжелъ для отряда. За недостаткомъ верблюдовъ, наша пѣхота, во весь обратный походъ, шла пѣшкомъ, что отзывалось на здоровьи людей. Съ первыхъ же переходовъ казенные верблюды начали падать по 20—30 въ день, не смотря на то, что на нихъ выучилось не болѣе 5—8 пудовъ. Въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ оставалось одно:—бросить всѣ тяжести, оставивъ самое необходимое.

На 3-мъ переходѣ полковникъ Куропаткинъ отдалъ по отряду строгій приказъ, чтобы всѣ чины отряда ограничили свой грузъ до минимума. На основаніи этого приказа юламейки, вторыя пары чамбаръ и сапогъ, кошмы, добытые ковры, самовары, чайники и всѣ лишнія вещи офицеровъ были брошены. Брошено было много довольствія, особенно овса.

Оставшись¹ почти налегкѣ, мы тѣмъ не менѣе ежедневно теряли верблюдовъ цѣлыми десятками. Начали падать и лошади.

Предвидя трудности похода заранѣе, полковникъ

Куропаткинъ еще изъ Текинскаго оазиса послалъ впередъ въ Петро-Александровскъ поручика Калитина съ порученіемъ просить начальника Аму-Дарьинскаго отдѣла оказать помощь нашему отряду при движеніи его по пустынь. Переодѣвшись текинцемъ, Калитинъ поѣхалъ съ тремя проводниками изъ іомудовъ. Безпокоясь теперь объ участи этого офицера, полковникъ Куропаткинъ вызвалъ еще охотника изъ офицеровъ—ѣхать впередъ на Аму-Дарью съ цѣлью дать знать о серьезномъ положеніи отряда. Вызвался подпоручикъ Фонъ-Насакенъ, который и уѣхалъ впередъ одинъ (*).

20 февраля мы дошли до кол. Игды. Верблюдовъ становилось все меньше и меньше. Тогда полковникъ Куропаткинъ приказалъ мнѣ съ дивизиономъ идти форсированно на Орта-кую и приготовить колодцы для пѣхоты. Пѣхотѣ же и верблюдамъ данъ былъ необходимый отдыхъ на кол. Игды.

22 февраля я пришолъ на Орта-кую, куда 24 пришла и пѣхота. Въ отрядѣ началась болѣзненность.

Для дальнѣйшаго движенія отрядъ былъ раздѣленъ на три эшелона. Въ 1 эшелонѣ, подъ моимъ начальствомъ, пошла Оренбургская сотня съ ракетнымъ взводомъ, 2-й эшелонъ состоялъ изъ Уральской сотни, при которой слѣдовалъ и начальникъ

(*) Я забылъ упомянуть въ своемъ мѣстѣ, что, при движеніи Туркест. отряда въ передній путь, къ намъ въ отрядъ еще въ Хивинскихъ предѣлахъ приѣхалъ также изъ Текинскаго оазиса хорунжій Таманскаго каз. полка. Стеценко, командированный генераломъ Скобелевымъ съ разными порученіями на встрѣчу отряда. Стеценко проѣхалъ, одѣтый текинцемъ, претерпѣвъ въ дорогѣ много невзгодъ: три его собственныя лошади и лошади проводниковъ уже стали; Стеценко долго плуталъ, ища колодцы и уже совершенно обезсиленный, къ счастью наткнулся на одну рекогносцировочную партію Сары-Камышскаго отряда. За этотъ подвигъ хорунжій Стеценко получилъ Георгіевскій крестъ.

отряда, въ 3-мъ эшелонѣ должна была слѣдовать пѣхота и горный взводъ.

Слѣдуя все время впереди, я на пути оставлялъ полковнику Куропаткину донесенія обо всемъ заслуживавшемъ вниманія. Дѣлалось это такъ: на видномъ мѣстѣ сгребалась небольшая кучка изъ глины или песку и въ саксаульную палку вставлялась бумага.

До кол. Даудыръ счастье намъ еще благопріятствовало на счетъ воды: встрѣчались небольшія лужицы; но съ этого колодца предстояло идти до кол. Гяуръ-кала, версть 100, вовсе безъ воды. При сильномъ падежѣ верблюдовъ въ Оренбургской сотнѣ начали падать и лошади. Много казаковъ уже шло пѣшкомъ, бросивъ, конечно, и сѣдла.

На верблюдахъ запасной воды можно было взять не болѣе $\frac{1}{2}$ ведра на человѣка; объ водѣ для лошадей нечего было и думать. На предстоявшемъ переходѣ до Гяуръ-Кала можно было ожидать лишиться и послѣднихъ верблюдовъ, а при несчастіи и лошадей.

Съ Даудыра я съ оренбурцами шолъ весь день и остановился, пройдя не болѣе 40 версть. Ночью болѣе половины запасной воды было израсходовано; а до колодца Гяуръ-Кала оставалось еще версть 60. Но, о счастье! Утромъ, при самомъ выступленіи, встрѣтился мнѣ идущій на встрѣчу транспортъ съ водой, на совершенно свѣжихъ верблюдахъ въ помощь нашему отряду.

При транспортѣ былъ нашего полка сотникъ Бѣлкинъ со взводомъ 4 сотни (*).

(*) Тутъ я узналъ, что посланные вперёдъ оба наши офицеры пріѣхали на Аму-Дарью совершенно благополучно. Поручикъ Калитинъ недавно за эту поѣздку получилъ орденъ св. Георгія 4-й степ.

Конечно, я взялъ изъ транспорта самую необходимую часть верблюдовъ и воды, такъ-какъ 2-й, а въ особенности 3-й эшелонъ (пѣхота) нуждались еще болѣе въ водѣ и въ перевозочныхъ средствахъ.

1 марта я съ своимъ эшелонъ достигъ до уроч. Уазъ, гдѣ встрѣтилъ отрядъ, прикрывавшій Аму-Дарьинскую ученую экспедицію. Въ составѣ отряда была наша четвертая сотня сотника Портнова. (*) Встрѣча намъ была оказана самая родственная.

На другой день пребылъ полковникъ Куропаткинъ съ Уральской сотней, а 4 марта прибыла и пѣхота нашего отряда.

6 марта Туркестанскій отрядъ, въ полномъ своемъ составѣ, двинулся по Хивинскому ханству, имѣя маршрутъ на города: Ильялы, Казаватъ, Хиву и Ханки на Аму-Дарью.

Въ Казаватѣ въ Оренбургскую сотню было выслано отъ 1-го Оренбургскаго полка 70 лошадей съ сѣдлами, о четъ я просилъ командира этого полка еще заранѣе.

При однихъ и тѣхъ же условіяхъ службы, при вступленіи въ Хивинскіе предѣлы въ Оренбургской сотнѣ было около 60 казаковъ пѣшихъ, а въ Уральской сотнѣ—2 казака.

Движеніе наше по Хивинскому ханству,—было какое-то торжественное шествіе побѣдителей. Хивинцы, кажется, были весьма рады разоренію текинскаго разбойничьяго гнѣзда и принимали насъ весьма хорошо.

(*) Въ декабрѣ мѣсяцѣ Сары-Камыштіи отрядъ былъ расформированъ. Бывшая въ немъ 6 сотня эсаула Сѣрова ушла въ Нукусъ. Въ февралѣ ученая экспедиція снова начала работы подъ прикрытіемъ вновь сформированнаго отряда, въ составъ котораго назначена 4-я сотня, сотника Портнова.

На ночлегахъ вездѣ были разставлены для отряда кибитки; ячмень, кливеръ, лепешки, дрова и порціонный скотъ были припасены заранѣе на каждой станціи. Здѣсь мы шли, какъ по своей землѣ.

9 марта мы приблизились къ г. Хивѣ. Ханъ въ прекрасномъ бархатномъ халатѣ, на которомъ блестяла Станиславская звѣзда, встрѣтилъ отрядъ верстъ за 8 до города. Съ нимъ была многочисленная свита. Полковникъ Куропаткинъ пропустилъ отрядъ мимо хана церемоніальнымъ маршемъ, при чемъ каждая часть на привѣтствіе хана громко отвѣчала «здравія желаемъ Ваше Высокостепенство».

Хивинскій ханъ еще довольно молодой человѣкъ, лѣтъ 35, высокаго роста, красивый брюнетъ съ умными выразительными глазами. Онъ имѣетъ вообще очень симпатичную наружность.

По вступленіи въ городъ нашъ отрядъ, весь цѣликомъ, былъ расположенъ въ одномъ изъ ханскихъ дворцовъ. Громадные самовары съ фамильнымъ и зеленымъ чаемъ, пловъ, лепешки, жареная и вареная баранина были припасены въ большомъ изобиліи, какъ угощеніе отъ хана для всѣхъ чиновъ отряда.

10-го была дневка, и полковникъ Куропаткинъ со мной и завѣдывавшимъ ротами—маіоромъ Богаевскимъ представлялись хану въ его дворецъ. Ханъ встрѣтилъ насъ у входа въ свой внутренній дворъ, пригласилъ на эстраду и очень любезно разговаривалъ съ нами въ продолженіи часа времени. При этомъ мы были угощаемы чаемъ, сервированнымъ совершенно по европейски. Прекрасные хрустальные

стаканы были на блюдечкахъ съ золотыми ложечками очень хорошей русской работы.

На другой день утромъ ханъ отплатилъ визитъ начальнику отряда; а передъ выступленіемъ объѣхалъ войска, выстроенныя на дворцовой площади. Пройдя два раза церемоналомъ (*), отрядъ двинулся по улицамъ города. По обѣимъ сторонамъ улицъ, по которымъ мы шли, стояли громадныя толпы народа. Близъ базара какой то фанатикъ кричалъ что-то съ большимъ воодушевленіемъ, но былъ сейчасъ же схваченъ и куда то препровожденъ по приказанію хивинскаго министра Матъ-Мурата, провожавшаго насъ. Знающіе языкъ перевели, что этотъ фанатикъ взывалъ къ тѣни того хана, по приказанію котораго погибъ въ Хивѣ русскій отрядъ князя Бековича-Черкаскаго (**). «Посмотри, о великій ханъ, какъ оскверняютъ твою священную Хиву эти собаки», кричалъ изувѣрь. Вѣроятно, послѣ не поздоровилось этому почитателю своей святыни.

Отрядъ въ этотъ день ночевалъ у какого то кишлака, близъ арыка Полванъ-ата. На другой день— 12 марта, рано утромъ, къ палаткѣ начальника отряда прискакалъ на взмыленной лошади чабаръ и привезъ пакетъ изъ Петро-Александровска. Отряду было приказано сейчасъ же выстроиться въ одну густую колонну. Вышелъ полковникъ Куропаткинъ и, дрожавшимъ отъ волненія голосомъ, передалъ намъ

(*) Церемональ былъ на дворцовой площадкѣ и на базарѣ, гдѣ вышелъ небольшой курьеръ: когда дивизіонъ, по моему командѣ, для церемональнаго марша вынулъ шашки, то въ громадной массѣ стоявшаго народа вышло нѣкоторое движеніе отъ испуга и послышался крикъ «ой бай».

(**) Въ 1717 году при Хивинскомъ ханѣ Ширъ-гази.

страшную вѣсть о кончинѣ нашего возлюбленнаго Царя-Благодѣтеля.

Умолкла музыка и пѣсни при дальнѣйшемъ нашемъ движеніи по ханству. Люди шли угрюмо; не радостно было и возвращеніе въ свои дома. Офицеры терялись въ догадкахъ о причинѣ кончины Государя, вовсе не подозрѣвая тогда катастрофы на Екатерининскомъ каналѣ. Дѣло въ томъ, что начальникъ отряда получилъ краткое телеграфическое извѣстіе изъ Катты-кургана; что «1 марта Государь Императоръ въ Бозѣ почилъ». Ужасное же злодѣяніе 1 марта стало извѣстно въ Петро-Александровскѣ числа 15 марта; а подробности катастрофы я читалъ, будучи въ Ташкентѣ, въ газетахъ, полученныхъ тамъ въ послѣднихъ числахъ апрѣля мѣсяца. Вотъ каковы сообщенія въ Туркестанѣ.

Начавъ переправу черезъ Аму-Дарью, противъ самаго Петро-Александровска съ вечера 13 марта, отрядъ на другой день 14 вошелъ въ укрѣпленіе. Всѣ войска гарнизона стояли шпалерами по улицѣ, по которой мы шли, въ парадной формѣ при глубокомъ траурѣ, держа на краулѣ. Затѣмъ, отслуживъ благодарственный молебенъ за благополучное прибытіе и панихиду за усопшаго Государя Императора и своихъ убитыхъ, мы приведены были къ присягѣ нынѣ благополучно царствующему Государю Императору и Его Наслѣднику. Послѣ этого гарнизонъ молча прошелъ мимо нашего отряда церемоніальнымъ маршемъ, а мы мимо ихъ.

Такъ событіе 1 марта омрачило радость нашего свиданія съ оставшимися въ гарнизонѣ товарищами.

Купеческое общество Петро-Александровска почтило насъ обѣдомъ, приготовленнымъ для всѣхъ чиновъ отряда. На другой день былъ завтракъ для офицеровъ отряда у начальника отдѣла. 16-го отрядъ былъ расформированъ, а 17—мы дали прощальный обѣдъ бывшему своему начальнику—полк. Куропаткину, уѣзжавшему къ своей бригадѣ.

За весь походъ въ Ахаль-Теке нашъ отрядъ потерялъ 4 офицеровъ и 103 нижн. чина убитыми и оставшимися за ранами и болѣзнями въ Ахаль-Текинскомъ оазисѣ.

За боевые подвиги и труды всѣ офицеры Туркестанскаго отряда впоследствии получили высокія награды отъ нашего Милостиваго Монарха. Наибольше отличившіеся нижніе чины удостоены знаками военнаго ордена. Кромѣ того всѣ чины за штурмъ Геокъ-Тепе получили серебряныя медали на Георгіевской лентѣ,—награда высокая и очень рѣдкая.

Вскорѣ по дѣламъ службы я уѣхалъ въ Самаркандъ и затѣмъ въ Ташкентъ, поручивъ командование Уральскими сотнями войсковому старшинѣ Бородину. Въ іюнѣ мѣсяцѣ $\frac{2}{3}$ дивизіона, за выслугой срока службы, было уволено прямо изъ Петро-Александровска на льготу въ войско. Кадры же 4, 5 и 6 сотенъ отвелъ къ полку въ Самаркандъ сотникъ Портновъ, при чемъ ему данъ маршрутъ чрезъ населенныя бухарскія владѣнія.

Этимъ и окончилась служба Уральцевъ въ Амударьинскомъ отдѣлѣ.

А. Гуляевъ.